

КОМОНС II

ИГРА ПО ЧУЖИМ ПРАВИЛАМ

БОРИС БАТЫРШИН

контурные
карты
по географии
СССР

Che
Guevara
Guerrilla Warfare

Third Edition
With Revised and Updated Introduction and Case Studies
by Brian Loveman and Thomas M. Davies, Jr.

РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

9

Фамилия, имя, отчество (полное)
Клара Александровна
Дата рождения
20.11.47. Пол жен.
С детьми до 16 лет
с сыном Михаилом, 1978 г.р.
Цель поездки
постоянное жительство
Из учреждения
Израиль СУ
В пункте
13.03.89. 19 г.
Действительна для выезда из СССР до
13.03.89. 19 г.
и въезда в СССР до
13.03.89. 19 г.
через пограничные пункты СССР,
открытые для пассажирского движения
любой

Выдана
09.11.88. 19 г.
В паспорту №
ОВИР Рига
(республика)
Подпись

КОМОНС

Борис Батыршин

**КОМОНС II. Игра по
чужим правилам**

«ИП Каланов»

2021

Батыршин Б. Б.

Комонс П. Игра по чужим правилам / Б. Б. Батыршин — «ИП Каланов», 2021 — (Комонс)

«Спина болит, руки ноют, пот безжалостно заливает глаза. Пить хочется отчаянно, и голова как бы сама собой поворачивается туда, где на краю поля, шагах в тридцати, рядом с грудой всякого барахла, отблёскивает тусклым пятидесятилитровой молочной фляга с надписью «для питья». Флягу наполняли всего пару часов назад, и вода – ледяная, колодезная – наверняка ещё не успела нагреться на солнце...»

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Борис Батыршин

КОМОНС II

Игра по чужим правилам

© Борис Батыршин

Часть первая

Тяжело в деревне без нагана

1979 г., июнь.

Где-то в Подмосковье.

Горячие деньки.

Спина болит, руки ноют, пот безжалостно заливает глаза. Пить хочется отчаянно, и голова как бы сама собой поворачивается туда, где на краю поля, шагах в тридцати, рядом с грудой всякого барахла, отблёскивает тусклым пятидесятилитровой молочная фляга с надписью «для питья». Флягу наполняли всего пару часов назад, и вода – ледяная, колодезная – наверняка ещё не успела нагреться на солнце.

На крышке фляги пристроились мятые кружки – белая эмаль изнутри откололась, оставив уродливые чёрные пятна. На это, конечно, плевать, но не хочется выбиваться из взятого рабочего темпа – потом будет только хуже, придётся заставлять себя плестись назад и снова становиться на грядку. Нет уж, лучше дожидаться, когда доберёшься до конца поля, и вот тогда – законный перекур, можно и попить со всем удовольствием...

«Перекур» – это, конечно, только так говорится. Среди школьников курящих не так много, и они пока не рискуют собираться кучками и дымить открыто. В сторонке, отвернувшись – дело другое. «Перекур» – это значит, что можно сбегать в кустики, напиться холодной воды из фляги, потянуться, разминая ноющую от вечно скрюченного положения поясницу, а то и просто улечься на пыльную траву, закинуть руки за голову и бездумно пялиться в белёсое от жары полуденное небо.

Всё это, вместе с проживанием в сельском общежитии (наскоро подготовленное к визиту «москвичей» помещение местного клуба), вечерами с простуженным кассетником и «плодово-ягодной» бурдой из сельпо – всё это и называется «летняя производственная практика».

Забавно, но в прошлой жизни я её пропустил. Дело в том, что набор «в колхоз» был делом сугубо добровольным, и я предпочёл остаться в Москве и проходить «трудовую повинность» в расположенном поблизости «Универсаме», где мы две недели кряду таскали лотки со свежесдобитым хлебом в «булочном» отделе. Вот как сейчас, наверное, таскает Миладка – её в колхоз не пустили, запротестовали родители. Аст тоже «в тот раз» не ездил – мать взяла его с собой в Казахстан, в геологическую партию, что и было зачтено с предъявлением соответствующей бумажки. А вот на этот раз – отказался, изрядно удивив мать. Экзамены он сдал ни шатко, ни валко, едва-едва хватило для того, чтобы остаться в девятом – и сейчас пыхтит на соседней грядке, один за другим выдёргивая неподатливые сорняки.

Дальше, через две грядки от меня, старается Нина – одна из наших «комиссаров», маленькая, чуть полноватая, с пышными формами, брюнетка из пединститута.

Почему – «комиссары»? Да потому, что практика наша организована довольно необычно. Вместо привычных школьных педагогов, надзирающих за порядком и организующих наш быт, труд и досуг, вместе с нами «в колхоз» отправился «педагогический отряд» из пединститута имени Крупской. «Комиссары» – это их фишка, как и ежевечерние посиделки у общего костра с гитарой, и брезентовые куртки-стройотрядовки с нашивками «Педотряд-79». Мне подобные это знакомо: сам по прошлой жизни много и плодотворно общался с ростками неформальной педагогики, робко пробивавшимися на почве крапивинской «Каравеллы» и московского «Дозора». Здесь же вполне официальная инициатива институтского комитета комсомола: кто-то выдвинул рацпредложение испробовать новейшие педагогические методы (ага, новейшие, Макаренко читайте), получил поддержку – и дело в шляпе.

Большая часть «педотрядовцев» нам знакома – проходили практику в нашей школе в третьей, весенней четверти. Вряд ли это случайность. Что ж, тем лучше – два десятка школьников из двух девятых классов (в них, как и обещали, свели четыре восьмых), пять девушек и двое парней, а так же двое институтских преподавателей, на роли старших практики. наших классных руководительниц, что Галину, что Татьяну Иосифовну, не взяли по каким-то высшим педагогическим соображениям. Те очень расстроились, но клятвенно пообещали навещать своих «ребяточек». Мы ждём.

За спиной крикает клаксон. Я оборачиваюсь – совхозный бортовой ГАЗ-53 с голубенькой кабиной и белой щелястой «мордой» остановился у краю поля, там, где стоит фляга с водой. Задний борт уже откинут и оттуда вылезли Ритка Дымшиц и ещё две девчонки, работающие на пищеблоке. Суетятся, помогая парням-дежурным выгружать из кузова здоровенные зелёные армейские термосы с кашей и борщом, Ритка уже расстелила на траве большую клеёнку и выкладывает на неё нарезанные кирпичи серого хлеба, охапки алюминиевых ложек и вилок, расставляет стеклянные солонки и аккуратно раскладывает большие пучки зелёного лука.

– Эй, трудовая молодёжь! – весело кричит из кузова «ГАЗона» начальник практики Рудольф Сергеевич, институтский «физкультурник». – Шабашьте, обед продвезли! Кто тут самый голодный – налетай!

Обычно наш трудовой день на лоне подмосковной природы начинается так:

Мы с Астом встаём на час раньше одноклассников, выбираемся в окошко и бодро рысим к околище, где за жиденьким ивняком бежит, перекатываясь на топляках и песчаных бродах, речка, за которой, на низком берегу, раскинулись заливные луга. Скатываемся с песчаного откоса, с разгону, вздымая тучи брызг, пересекаем неторопливые, хрустально-прозрачные струи и дважды обегает луг по периметру. Затем возвращаемся к броду, и на песчаном пляже принимаемся за упражнения. Их немного – в основном, растяжка. После чего выуживаем из густого ивняка припрятанные там дубинки – одиночная разминка, отработка приёмов, пять минут свободного боя.

И – в воду! Ниже брода, под обрывистым берегом речка образует бочажок метров двадцати пяти в поперечнике. Под глинистым обрывом из дна бьют ключи – ледяные, из-за чего вода в этом естественном бассейне далеко не тёплая. А нам нравится – после пробежки и упражнений вода приятно холодит разгорячённую кожу и свежие следы от ударов. Переплыть раза три бочаг и бегом же – назад, в «расположение».

К тому времени там уже все проснулись и бредут к установленным во дворе «общезития» жестяные рукомойникам. Горячей воды здесь нет, как факта жизни, и школьники брызгаются друг в друга, вопят и ёжатся от ледяного душа. Наше появление – голыми по пояс, с мокрыми волосами, неопровержимо свидетельствующими о злостном нарушении запрета на купание – всякий раз вызывает завистливые шуточки парней и заинтересованные взгляды прекрасной половины коллектива.

Удивительно, как стало меняться наше с альтер эго общее тело. Нет, задротом-ботаником я никогда не был, хотя бы в силу довольно плотного телосложения, но чтобы налитые мускулы и даже наметившиеся кубики на животе? Вот не верю я в то, что это – только следствие наших с Астом тренировок и занятий сценическим фехтованием. Похоже, сознание комонса ухитряется как-то воздействовать на организм в сторону оптимизации.

Асту тоже не приходится жаловаться на своё состояние. И тут дело не столько в физической форме. Парню пришлось и под пулями походить, и ползать по всяческим дырам, и поупражняться с тяжёлыми клинками в условиях свободного боя, без сколько-нибудь серьёзной защиты – а это, знаете ли, накладывает отпечаток. Но, главное, конечно, причастность к Тайне, и не просто причастность – уверенность, что от твоих действий может зависеть судьба каждого из жителей нашей маленькой планеты. Отсюда и уверенность, и внутреннее спокой-

ствие, не понятное пока ровесникам. Я обратил внимание, что он и общаться с ребятами стал заметно меньше – со мной да с Миладкой, вот и весь его круг общения на данный момент...

В общем, мы двое заметно выделяемся из среды одноклассников, а уж в плане авторитета легко можем дать полсотни очков форы студентам-педагогам – недаром при конфликтных или попросту сложных ситуациях ребята обращаются в первую очередь к нам. Взрослые руководители это видят, а потому выделяют нас из общей массы. Никакого самолюбования здесь нет – на фоне навалившихся на нас в последнее время проблем, подростковые, в масштабах класса, или даже школы, амбиции не смотрятся.

Кстати, о проблемах. Стоило только нашему дружному коллективу рассестись по скамейкам за длинными столами в актовом зале клуба, отведённом под столовую (завтрак, рисовая каша на молоке, два кубика масла, сладкий чай и пирожок с повидлом), как из правления прибежала девчонка-машинистка и позвала меня к телефону. Благословенные времена – о мобильниках (радио- и видеофонах, и прочих изысках популяризаторов от науки и беллетристов) читали только в фантастических романах, а к единственному «городскому» телефону надо бежать через половину села. Я и побежал – куда денешься? На другом конце провода меня ждала, постукивая туфелькой от нетерпения, Карменсита – и, не слушая возражений, с ходу предложила в течение получаса уладить вопрос с однодневным «отпуском» и выдвигаться к железнодорожной станции. Предлог неважен – заболевшие родитесь, внезапный визит любимой тётушки из Владивостока, дело моё. Через два часа на станции меня будет ждать машина, она же доставит меня обратно к вечеру. Личное распоряжение *comandante* Коста – все вопросы потом, исполнять, боец!

Что ж, два часа – времени ещё много. На сегодня запланирован визит на мехдвор. Дело в том, что мне нужен нож. Желательно, фикс, с качественным упором и лезвием-ломиком, не меньше четырёх миллиметров в обухе. В магазине нечто подобное можно приобрести только по охотбилету, которого у меня ясное дело нет. Складень же, купленный ещё зимой, в «Турист» оказался сущим бараклом, несмотря на латунные накладки и солидный, почти «викториноксовский» набор инструментов: вилка, две открывашки (для банок и бутылок) отвёртка, шило, штопор и даже зачем-то лапки-экстракторы для стреляных гильз двенадцатого калибра на торце. А вот лезвие – дрянь, совершенно не держит заточки, да и разболталось в хлам всего за месяц не слишком интенсивной эксплуатации. И если в Москве отсутствие ножа на кармане ощущалось не так остро, то здесь, в деревне я был без него, как без рук. Ну ещё бы – в той жизни я привык носить при себе нож лет с шестнадцати, и теперь, особенно за городом, ощущаю себя голым. И дело вовсе не в подавленных агрессивных инстинктах. Нож есть универсальнейший и необходимейший инструмент, изобретённый человеком, и его наличие помогает справиться с большинством мелких и не очень проблем, от откупоривания консервной банки, до извлечения занозы и вскрытия нарыва – масса ситуаций, когда нож попросту спасёт тебе жизнь. Так что перво-наперво интересуюсь у слесарей, кто может помочь мне с этим животрепещущим вопросом. На меня посмотрели оценивающе, с прищуром, но всё же указали на мужичка, копающегося у верстака в дальнем углу сарая.

Подхожу, знакомлюсь – перво-наперво, в глаза бросается обширная коллекция партаков на пальцах и предплечьях. Ага, человек понимающий, с жизненным опытом – вот и хорошо, проще объяснить что, собственно, мне нужно. К согласию мы пришли довольно скоро – как по дизайну заказа, так и по вопросу оплаты. Изделие обойдётся мне в литровку бабыГлашиной живительной влаги плюс десять рублей кэшем, зайдите завтра после обеда. Оставляю пятёрку задатка, хотя вся моя сущность вопиет против такого поступка. Исполнитель вполне может счесть, что от добра добра не ищут и уйти в запой – благо полученной суммы вполне хватит на две стартовые ноль-седьмые «бомбы» портвейна по рубль-восемьдесят пять с учётом сданной посуды. Как там говорят в народе: «кто Агдам сегодня пил, тот девчатам будет мил»... И уж

тогда всё, тогда – жди обещанного ещё дней несколько, если не неделю. Но уговор есть уговор, я расплачиваюсь и с тяжёлым сердцем покидаю мехдвор. Одноклассники, Димка Якимов и Андрюшка Куклин, гремящие гаечными ключами возле заросших крапивой останков неопознанного сельхозагрегата (а ну-ка пацаны, свинтите во-он ту хреновину пока другие не спёрли, глядишь, и пригодится...) с завистью смотрят мне вслед.

– Пистолет при себе?

Карменсита водила лихо, по-особому, скрещивая руки, перехватывала баранку. Это была машина дяди Кости, но не чёрная начальственная двадцать четвёртая «Волга», а двухцветная, бежевая, с вишнёвым, «Победа» ГАЗ М20 одной из редких, ранних серий – с «клыкастой» решёткой радиатора и сдвижным матерчатым верхом, позволяющим превратить машину в подобие кабриолета. Мощный «мерседесовский» движок тихо гудел, подвеска послушно сглаживала неровности сельской дороги – свою красавицу двоюродный дед нежно любил, холил и лелеял, используя немаленькие возможности и таланты автомехаников «конторского» гаража – и выводил из гаража лишь в редких, особых случаях. Сегодня, похоже, как раз и был такой. Как только Женька сел на правое переднее сиденье, куда указала кубинка.

– «Второй» почему-то именовал его «сиденье смертника». Девушка вытащила из-под приборной панели телефонную трубку на витом шнуре и, нажав несколько кнопок, протянула спутнику. Женька вздохнул и легонько потеревил напарника, со вчерашнего вечера упорно отсиживавшегося в тине – пора!

«Щёлк-щёлк» – давно отработанная, теперь занимающая доли секунды операция по «смене руководства телом». Со стороны посмотришь – и не поймёшь ничего: подумаешь, пацан на секунду опустил подбородок и прикрыл глаза?

– Так оружие-то взял? – нетерпеливо напомнила Карменсита. – Я не стала напоминать, мало ли, кто услышит...

Это она правильно сделала – всё время, пока я разговаривал по телефону, рядом стояла совхозная тётенька-бухгалтер – стояла и нетерпеливо постукивала носком туфли по дощатому полу. Мол – «понаехали тут из города, служебный аппарат занимают, а нам, между прочим, работать надо...»

Я похлопал себя по животу, где, подсунутым под ремень, ждал своего часа «Коровин». Вообще-то, собираясь в колхоз, я подумывал прихватить с собой верный обрез «ИЖака». Мастера, к которым обратился дядя Костя, сумели превратить неуклюжую самоделку в подлинное произведение оружейного искусства. Шею приклада срезали, заменив её изящно выточенной пистолетной рукояткой. Вместо обрезка приклада на стальном пруте изготовили новый, раздвижной, на двух съёмных зубчатых планках, с затыльником из лёгкого металла и губчатой резины. Там даже регулируемая «щека» появилась, для упора при прицеливании. Но главное – это, конечно, глушитель. Он навинчивается на обрубок ствола и съедает, как выяснилось, почти весь звук. А с учётом того, что выстрел из однозарядки не сопровождается громким металлическим лязгом затвора, оружие получилось по-настоящему бесшумным. Прицел тоже заменили, поставив неизвестную мне, но явно импортную модель переменной, от двух до четырёх, кратности.

После такого тюнинга (здесь это слово пока не в ходу) удостоверение на право хранения «спортивной малокалиберной винтовки модель имярек, выглядело, как сущее издевательство над здравым смыслом, однако бледная лиловая печать с надписью «КГБ СССР» заранее отменяла любые вопросы. И, тем не менее, брать девайс с собой дядя Костя отсоветовал: «больно уж специфическое оружие получилось, не на каждый день. Да и носить на теле невозможно, проку от него...» И вручил вместо бывшего «ИЖака» «Коровин» – тот самый, добытый нами в

«Силикатах», любовно обихоженный «конторскими» мастерами-оружейниками. Я выщелкнул магазин – все шесть патронов на месте.

– Что, внучек, тяжело в деревне без нагана? – ухмыльнулся генерал, видя, с каким трепетом я рассматриваю старого знакомого.

– ...и с наганом тоже тяжело. – немедленно отреагировал я. – Николай Рубцов, плавали-знаем.

– Ладно, что с тобой поделаешь... – он порылся в кармане и протянул мне запасной магазин. – По-хорошему, тебя бы посадить куда-нибудь в подвал под тройную охрану и не выпускать...

Это ещё почему? – удивляюсь.

– А сам не догадываешься? Нет, внучек, дело не в Пришельцах, или как их там, «Десантниках». С тем, что у тебя в голове на тему ближайших трёх десятков лет, наших, земных, ты – оружие похлеще водородной бомбы, а я тебя – в совхоз, одного, без присмотра! Точно, как говорили в моё время старики: «Последние времена наступают...»

Я молчал – а что, собственно, тут скажешь?

– Ладно, чего уж теперь... генерал невесело ухмыльнулся и протянул мне магазин. – Ты, внучек, меня не подведи... во всех смыслах. И учти: бумажки к этому стволу нет, если что – постарайся избавиться. Он нигде не запалился, мы проверили – скажешь, там же, в совхозе нашёл, и подготовь заранее схрон, как бы оттуда его и вынул. И, кстати, о схронах... – он сделал паузу. – Не исключено, нам очень скоро понадобится твоя помощь.

– В чём дело? – спрашиваю.

– Потом. Езжай пока, когда придёт время, с тобой свяжутся.

Вот, значит, они и связались. Наша задача, разъяснённая мне только что по телефону («аппарат с шифрованием, можно говорить не опасаясь», пояснила кубинка) заключается в пополнении денежных резервов группы перед предстоящей операцией против Пришельцев. «Мы, как ты помнишь, действуем неофициально – пояснил он, – доступ к фондам, тем более, внутри СССР, у меня ограничен, да и светиться лишний раз неохота. А там солидные деньги лежат, без всякой пользы – ворованные, заметь, деньги, самой судьбой для благого дела предназначенные. И надо бы поскорее их на это дело пустить, как считаешь, племянш?..»

Надо – так надо, разве ж я против? Намеченная к изъятию захоронка где-то в Мытищах – туда-то я сейчас и направляюсь, влекомый легендой советского автопрома с внебрачной дочерью Команданте Че за рулём. Между прочим – не приведи Господь, пошутить, или хотя бы заговорить при Кармен на эту тему. Голову оторвёт, и скажет, что так и было.

1979 г., июнь,

г. Мытищи.

День с прибылями

В Мытищах я бывал в «прошлой жизни» довольно часто, – и хорошо запомнил ощущение уныния и тоски, исходящие от улочек, застроенных потемневшими от времени частными домишками, двух-и трёх этажными кирпичными и деревянными строениями, покрытыми облупившейся штукатуркой. Большинство выглядело так, словно возведено было ещё при царе Горохе – подозреваю, тут я недалеко отошёл от истины. Нужный нам дом (за три квартала Карменсита оставила машину возле магазина «Рыба», и мы пошли пешком) оказался и вовсе бараком – первый этаж бревенчатый, второй обшит досками, с единственным на весь фасад подъездом. Такие строили и до и сразу после войны – практически без фундаментов, с удобствами на улице и спартанской коридорной планировкой, при которой на все квартиры на этаже приходилось две кухни и столько же ванных комнат. Трудно поверить, но ещё в середине нулевых в таких бараках ещё жили люди.

Но сейчас особенности подмосковной архитектуры нас не интересуют, кроме, пожалуй, одной. На глухой, без окон, торцевой стене дома примостилась пожарная лестница – и ведёт она к слепому чердачному окну. Тут же очень удачно оказалась проржавевшая насквозь двухсотлитровая железная бочка. Общими усилиями подкатываем её, ставим на попа и по очереди взбираемся на лестницу.

Рама слухового окна сопротивляется прихваченной Карменситой монтировке не более двадцати секунд – и вот мы уже на чердаке.

Сюда нам и надо. Под подошвами мягко проминается толстый слой перепревших опилок, над головами нависают перекрещенные стропила – в одном из них, если верить сведениям, полученным от «кураторов» из будущего, и прячется тайник. Третья от стены со слуховым окном... чёрт, да на них на обеих есть такие окна! Впрочем, «кураторов» ругать не за что – они всего лишь скопировали информацию из старого милицейского протокола, составленного по случаю обнаружения захоронки банды, разгромленной ещё в семьдесят третьем. Сама же захоронка была извлечена на белый свет двенадцать лет спустя, после поимки и допроса изловленного, наконец, главаря. Негодяй, почуяв неладное, сбежал из столицы, потом попался где-то в провинции на незначительной краже, отсидел пять лет – а в Мытищи так и не вернулся. Показания он дал тоже в лагере, когда дотошный следователь (в том, мытищенском деле было аж три трупа, и закрывать его по истечении срока давности никто не собирался) не докопался, наконец, до данного криминального персонажа и не снял с него показания. Из лагеря бывший главарь бывшей банды так и не вышел, а припрятанные ценности – в их числе солидная сумма в купюрах крупного достоинства – были изъяты и обращены в доход государства в том же восемьдесят пятом году. Памятного ещё и тем, что в марте этого года на трон Генерального Секретаря ЦК КПСС уселся энергичный ставропольский комбайнёр, носивший приметное родимое пятно на лысой, блестящей, как бильярдный шар голове...

Захоронка нашлась с третьей попытки – полтора десятка пачек сотенных, полусотенных и четвертных купюр, прилично сохранившихся в сухом воздухе чердака. Всё это богатство было спрятано в выдолбленной изнутри балке, причём тайник располагался так, что нащупать его можно было, лишь пошарив рукой по верхней, обращённой к крыше стороне. Так мы и сделали, после чего довольно легко отколунили тонкую доску, прикрывавшую нишу, и принялись перекладывать добычу в Карменситину сумку.

И не сразу заметили двоих мужчин, бесшумно появившихся со стороны лестницы, ведущей вниз, на второй этаж барака.

Разговора не получилось – не было даже обычных в подобных случаях наездов и распальцовок. Уголовники (а что это именно они, сомнений ни у меня ни у Кармен не мелькнуло) кинулись молча. В руке первого, рыжего, веснушчатого парня лет двадцати пяти-двадцати семи, опасно блеснула острая сталь.

Я замешкался от неожиданности, извлекая из-под ремня «Коровин» – предупреждали ведь умные люди, что такой способ ношения оружия годится только для кинематографа! А вот Карменсита не потеряла и доли секунды – прислоненная к столбу лопата словно сама прыгнула ей в руки. «Длинным коли» – точно, безжалостно, словно на занятиях по штыковому бою. Хряск, ржавый металл рассекает гортань. Враз обмякшее тело, издавая жуткое бульканье перерубленным горлом, мешком оседает на доски и судорожно дёргается в быстро расползающейся лаково-красной дымящейся луже.

Я, наконец, извлёк пистолетик, передёрнул затвор и, недолго думая, выстрелил во второго. Промазал – и это с каких-нибудь семи шагов! Пуля ушла в потолочную балку, точную копию той, из которой мы только что извлекли захоронку. Тупой удар, на голову злодея сыплются щепки, он испуганно приседает и совершенно по-детски прячет голову на груди, при-

крыв руками. Держу вражину на прицеле, а кубинка точным ударом сбивает его с ног, заворачивает за спину руки и ловко вяжет его же собственным ремнём.

Прислоняюсь к столбу, и меня начинает тошнить. Чуть ли не отрубленная голова, тонкие струйки крови, фонтанирующие в такт биению ещё живого сердца, из перебитых артерий – это перебор даже для меня. Всё же, подобные кровавые сцены в прошлой жизни мне приходилось видеть нечасто, да и те – больше по случаю травм или несчастных случаев. А вот Карменсите хоть бы хны – Она закончила вязать пленника и стоит над ним, многозначительно поигрывая затрофеенной у мёртвого бандюка финкой.

Что до альтер эго, то его я от этого зрелища сумел уберечь. Я только недавно освоил этот трюк – моментальная сверхконцентрация и резкий, неожиданный ментальный толчок, в результате которого сознание проваливается куда-то в глубину нашего общего мозга. Если верить «реципиенту», в таком состоянии он почти ничего не видит – так, неясные тени и контуры – и совершенно лишается слуха, обоняния и тактильного восприятия окружающей действительности. Альтер эго ужасно злится каждый раз, когда я использовал новообретённое умение – ну и я обещал не пускать его в ход без крайней необходимости.

Вроде этой, к примеру...

– Странно... – говорю, едва справившись с тошнотой. – А меня уверяли, что захоронка спокойно долежит до восьмидесят пятого, и никто её за всё это время не побеспокоит...

Карменсита задумывается.

– Может, они вовсе не за ней пришли? Какие-нибудь свои дела, например, тоже тайник – место-то удобное...

– Хм.... А что, мысль. Может, тогда пошарим, глядишь, ещё чего-нибудь отыщется?

– Шарить-то зачем? – искренне удивляется кубинка. – Мы вот этого спросим, он нам всё и расскажет. Ты ведь расскажешь? – ласково интересуется она у связанного уголовника. Тот в ответ мычит что-то сквозь кляп – и когда она успела его всунуть?

– Расскажет. – удовлетворённо делает вывод Карменсита. – Как миленький расскажет, и сам всё покажет. И кричать не будет, потому что умный и хочет жить...

Захоронка нашлась через три стропилы от первой. Эта была устроена без особых изысков – бандиты просто подсунули свёрток со своим добром между балкой и нестругаными досками, поверх которого настелено кровельное железо. Денег в ней оказалось немного, около двух с половиной тысяч разномастными купюрами. Кроме них – толстая, перевязанная бечёвкой, пачка облигаций Госзайма на предъявителя и горсть мелкой ювелирки, завёрнутой в обрывки газет. А ещё – старый, довоенного выпуска, вытертый до белизны «ТТ».

– Возьмём? – дочь Команданте указала на пистолет. – Хорошее оружие, надёжное, пригодится. И патроны достать легко.

Я едва не сел, прямо там, где стоял.

– С ума сошла? А если за ним дело мокрое? Не отбросимся потом, и генерал не поможет!

– Тебе виднее – равнодушно отвечает Карменсита, наклоняется к «языку» – и вдруг коротким, точным движением бьёт его куда-то в область печени. Вой, полный мучительной боли, бандит катается по полу, пытаясь дотянуться до раны связанными руками, и замирает. Кармен дожидается, когда прекратятся судороги, аккуратно, стараясь не задеть кожу, срезает верёвки с запястий трупа, после чего – не обтирая лезвия финки, вкладывает рукоять в пальцы первого уркагана. Замечаю, что всё это время она была в тонких резиновых медицинских перчатках.

– Оставлять живым его всё равно нельзя, свидетель. – поясняет кубинка. – А так решат, что один другого пырнул ножом в живот. Тот в долгу не остался, и успел ударить обидчика лопатой в гортань, от чего тот и скончался на месте. Но и сам далеко не ушёл, истёк кровью. А эти цацки для убедительности тут бросим – вроде как из-за них они и сцепились..

– А не жаль? – спрашиваю. – Золото же, камешки, денег стоит.

– Искать покупателей, при том, что у нас нет связей в блатном мире? – удивилась девушка. – Сам посуди, спалимся на «раз-два-три» при попытке реализации.

Я пожимаю плечами. Конечно, она права, да и уголовника жалеть не стоит. Смерть таких как он – никакая не потеря для общества, скорее наоборот. А всё же, мне стало несколько не по себе при виде того, как хрупкая девушка хладнокровно вспарывает печень связанному, извивающемуся, мычащему в предсмертном ужасе человеку.

До машины мы добрались минут за десять – выглянули, убедились что снаружи никого, слезли по пожарной лестнице и, не оглядываясь, нырнули в проулок. Альтер эго, кое-как выкарабкавшийся из дальнего угла, куда его отфутболила моя взбунтовавшаяся личность тихонечко скребётся – просится на волю. Сейчас, погоди минутку...

В горле у меня сухо, язык – словно крупная тёрка. А потому, уже выйдя на площадь перед магазином «Рыба» (Карменсита стоит возле открытой дверцы «Победы», нетерпеливо постукивая каблукочком) я сворачиваю с траектории и нетвёрдым шагом направляюсь к автоматам с газировкой.

Три копейки, с грушевым сиропом «Дюшес»? Да хоть с томатным, мне сейчас всё едино. Выгребая все трёхкопеечные и копеечные монетки, что нашлись в карманах, и долго, жадно глотаю холодную пузырчатую воду, забывая сполоснуть гранёный стакан перед тем, как наполнить его заново.

Уф-ф, вот теперь можно жить...

1979 г., июнь,

Подмосковье.

Вечер того же дня.

Карменсита не обманула. Болид, в который превратилась в её руках «Победа», домчал меня до цели за час до того, как наша братия вернулась с полей. По дороге мы говорили об одном? Сегодняшний наезд на чердаке – это очередные неумёхи-Десантники, взявшиеся не за своё дело, или честные уголовники, оказавшиеся не в том месте и не в то время? Ни до чего не договорились, и Карменсита пообещала обсудить вопрос с генералом. Обсудит, конечно, куда денется. Ещё и отчётик напишет для особой, секретной папочки, каковая, несомненно, где-нибудь, да имеется...

Но неприятности остались позади, а внезапно образовавшееся свободное время следовало использовать с толком. И я, не заходя в наши апартаменты, направился на конюшню.

С заведующим конюшней, мужичком, откликающемся на обращение «Фомич», я познакомился на второй день пребывания в совхозе. Местный конский состав не поражал ни численностью, ни разнообразием – всего-то шесть голов, из которых пять обыкновенных крестьянских саврасок, невысоких, мохнатых, коротконогих. Шестой же – гордость Фомича, огромный караковый жеребец по кличке «Председатель», в чьих статях опытный глаз (а у меня именно такой) без труда угадывает крови орловских рысаков и советских тяжеловозов. Мощный, широкогрудый, Председатель ходит по большей части, в упряжи, но и к седлу, по словам Фомича, вполне приучен. Это здорово – я обожаю лошадей, почему и поспешил с Фомичом закорешиться. Теперь он охотно позволяет мне чистить лошадей, а под вечер, когда солнце уже клонится к горизонту – заседлать Председателя и покататься часик-полтора по ближайшим окрестностям. Дружбе нашей в немалой степени способствуют бутылки с мутной жидкостью, изготовленной и разлитой в пещере местной Гингема бабы Глаши, которые я при каждом визите исправно доставляю Фомичу. Что ж, такова жизнь – да и найдётся ли в благословенном отечестве, средней его полосе, хоть одно село, где не нашлось бы своей бабки-самогонщицы?

После обеда снова заглянул на мехдвор. Заказ готов, и он получился ровно таким, как я себе и представлял. Клинок четырёх миллиметров в обушке, спуски сведены «в линзу», материал, как уверяет слесарь-сиделец – раскованный подшипник, снятый с того самого мёртвого сельхозагрегата, в котором вчера ковырялись мои одноклассники.

Попробовал заточку – ничего, и руку бреет, и газетный лист режет тонко, ровно, без замятий.

Рукоять традиционно сделана наборной, из цветного плекса, с наверхуем-сапожком – на этих моментах я настаивал особо. Почему? Всё очень просто – увидев россыпи партаков на руках «исполнителя» мне немедленно, до боли захотелось получить настоящую «зоновскую», жиганскую финку – благо, объяснять, что к чему в данном случае нет никакой необходимости, он всё знает лучше меня.

Вот и получил, и остался доволен. «Мессер» отлично сидит в ладони, легко летает в пальцах, да и метается очень даже неплохо. В порядке тестов я пошвырял нож в стену сарая – остался доволен как балансом клинка, так и собственными, вполне сохранившимися навыками. Остаток дня я, сидя на скамейке у стенки конюшни, мастерил ножны для своего приобретения, изредка отрываясь от этого занятия, чтобы пошвырять нож в специально поставленное для этого торчком бревно. Результат обеих операций меня вполне устроил. Готовые ножны я после недолгих раздумий пристроил в правый сапог – никогда в прежней жизни не носил нож таким образом, но всегда хотел попробовать. Участкового, чтобы пресечь подобное безобразие, на селе нет, а жёлтая латунная головка-сапожок, чуть выглядывающая из-за кирзового голенища, выглядит по-деревенски шикарно...

На сегодня у меня запланировано ночное. Фомич заранее простимулирован очередной порцией живительной влаги, и нисколько не возражает. А потому, подтвердив договоренность, я возвращаюсь на «базу», где и застаю весь коллектив в процессе приведения себя в порядок после трудового дня. Ужин (мне есть не хочется, перекусили вместе с Карменситой на обратном пути в кафешке), а после него я отвожу в сторонку Аста и Катюшку Клейман и заговорщицким голосом предлагаю им собраться и ожидать меня во дворе, через полчаса. Серёга в курсе моих планов и довольно кивает; Катюшка же прямо-таки искрится от любопытства, хоть спички об неё зажигай...

Седла в ночном не положены. Лошадей мы ведём на недоузках, но я всё же ухитряюсь незаметно от Фомича прихватить оголовье с уздечкой. Остальное мне ни к чему – на спокойном, как слон, широкоспинном коне удержится без седла даже новичок. Я же далеко не новичок: лет десять подряд состоял военно-историческом клубе, реконструирующих французских драгун 1812-го года. Участвовал в манёврах, дальних конных походах, скакал в кавалерийском строю на фестивалях посвящённых битвам при Бородино, Малоярославце, Аустерлице и Ватерлоо. И даже содержал собственного коня – каракового мерина по кличке «Язон», очень похожего на Председателя.

Так что я решил не упускать случай и передать часть полезных навыков альтер эго. Это тоже свежая наша наработка – обнаружилось, что после нескольких попыток выполнить ту или иную ранее незнакомую операцию, «реципиент» усваивает её необычайно легко – если «соучаствует» строго определённым образом. И в дальнейшем – способен уже сам повторять усвоенное без моего прямого участия. Сохранятся эти навыки после изъятия моего «Мыслящего» или нет – сейчас мы можем только гадать. Но – почему бы не попробовать, если уж подвернулась такая возможность?

Ребята – Аст с Катюшкой и попросившаяся с нами студентка Нина (на сельхозпрактике к ней накрепко прилепилось обращение «Нинон») – тоже горят желанием приобщиться к вер-

ховой езде. Объясняю, что сегодня это вряд ли получится – лошадей водят в ночное совсем для другого.

Из шести штатных совхозных голов Фомич выдал нам четверых ещё двух забрал на выпас его родной племян с приятелем. Так что каждый ведёт на чомбуре по одной лошади. Аст – уверенно, а вот девчонки опасливо косятся на подопечных и норовят при каждом случае обратиться за советом ко мне. Я советую – что мне, трудно? Совхозные лошадки добронравные, идут послушно, разве что время от времени опускают головы, стремясь дотянуться до особенно аппетитного пучка травы. Каждая такая попытка вызывает у Нинон приступ паники и приходится приходить на помощь. Лошади сопротивляться не пытаются, относясь к подобным вещам скорее, философски.

Наша цель – тот самый заливной луг за песчаным бродом, где мы с Астом упражняемся по утрам. Поим лошадей, обтираем спины надёрганными тут же пучками травы и под конец – привязываем на длинные верёвки к вбитым в землю колышками. Стреноживать их незачем – свободы на такой привязи довольно, чтобы щипать травку всю ночь напролёт. А если не хватит – переставим на другое место, дело нехитрое...

Ну вот, водные процедуры закончены. Вывожу председателя из реки, ностальгически похлопываю по холке, протягиваю три куска сахара – и с удовольствием ощущаю, как бархатные тёплые губы подбирают их с ладони. Учю девчонок, как правильно кормить лошадей: надо подавать лакомство только на открытой ладони, если в пальцах – непременно прихватят широкими, мощными, как тиски, передними зубами. Что ж, осталось поставить крестьянских лошадок на выпас. Серёга возится с костром, а я надеваю Председателю оголовье – извини, придётся чуток поработать, у меня на этот вечер есть планы. Ничего, потом я тебя снова искупаю, останешься доволен...

Планы мои зовутся «Нинон». С разбегу вскакиваю, демонстрируя истинно гусарский стиль, на Председателя, после чего подхватываю с земли взвизгнувшую студентку и усаживаю её перед собой – благо, седла нет, лука не мешает. И с удовольствием убеждаюсь, что никакой «полноватостью» тут и не пахнет – талия узкая, крепкая, а вот формы... прикоснувшись невзначай (три раза ха!) к ним, я ощутил, как моё хозяйство приняло боевую стойку. Поняла это и Нинон – благо, от вздыбленной подростковой плоти её отделял тонкий ситчик платышка да экономные трусики от купальника. И – не сделала попытки отстраниться, прижалась потеснее, и даже слегка поворачивала попкой, массируя сквозь штаны моего «бойца».

Ну и я не против – способ временно избавиться от соглядатая в лице альтер эго известен и опробован не далее, как сегодня днём.

Пускаю Председателя в галоп, а потом и в карьер – ветер свистит в ушах, трава улетает под копыта, *тыг-дым, тыг-дым, тыг-дым*. Нинон визжит от восторга, а я, зажав повод между пальцами правой руки, обхватываю девушку поперёк животика, отчего та откидывает голову назад, кладёт мне на плечо и душистые волосы соблазнительно щекочут нос и щёки... Левая рука как бы случайно опускается ниже, и ещё, и ещё, хотя пока и не рискует проникнуть под тонкую ткань. Нинон ничуть не против таких вольностей и даже подаётся вперёд и в такт толчкам на галопе прижимается к дерзкой ладони.

Альтер эго что-то язвительно замечает из своего угла подсознания. Зря – мне сейчас не до шуток, я реально перевозбуждён, а потому трюк с полной блокировкой «реципиента» удаётся сам собой...

Описав большой круг по полю, я завершаю «верховую прогулку», загнав жеребца в реку, где поглубже. Вода достаёт Председателю до середины шеи, мы же с Нинон высовываемся из реки наподобие античных бюстов. Студентка повизгивает, и я, уже нисколько не скрываясь, прихватываю её поперёк пышной, пятого размера, не меньше, груди – и удовольствием ощущаю под пальцами возбуждающую упругость.

...ну, держись, студенточка, сама напросилась...

Первый порыв желания мы утоляем прямо тут, на бережку, в жиденькой травке, спрятавшись от чужих глаз за густым тальником. Остро пахнет конским потом, сухими травами и какими-то духами от густых волос моей партнёрши. Председатель громко фыркает и брызгается, стоя по колено в воде, но нам сейчас не до него. Нинон удивлена, и это ещё мягко сказано – она-то рассчитывала иметь дело с неопытным юнцом и уже видела себя эдакой многоопытной соблазнительницей, приобщающей мальчика к тайнствам плотской любви. Каково же было её изумление, когда она осознала, что сама оказалась в руках многоопытного, гораздо опытнее её самой, любовника, мягко, но настойчиво подводящего обоих к пику чувственного наслаждения – причём, той тропинкой, которую выбрал сам!

Впрочем, девушка осталась довольна, а ведь это, в конце концов, главное? Я тоже не жалею – напряжение этого кровавого дня наконец, отпустило, изверглось вместе со струёй семени в горячее лоно. «Я на таблетках, – успела шепнуть Нинон, признавая тем самым полную мою компетентность в столь деликатном вопросе, – можешь не сдерживаться...» Но я в любом случае не сдержался бы – юношеские гормоны пересилили опыт и осторожность стареющего донжуана...

Темнеет. Кони пасутся на лугу, мы расселись у костра – парочками, как полагается. Я по-собственнически обнимаю Нинон, Катюшка робко жмётся к Асту. Тот, похоже, не против.

Аст сетует, что нет гитары, но я лениво отзываюсь, что мол, ни к чему – ночное это вам не студенческие посиделки, здесь своя культура и свои правила. Да и романтики хватит без всякой гитары, и даже ещё останется...

Серёга, опасливо озираясь, выставляет бутылку плодово-ягодной бурды. Девушки смотрят на нарушителя сухого закона с осуждением, но возразить не решаются. Ещё бы они решились, особенно Нина – то-то шальные чёртики так и прыщут из огромных зелёных глаз...

Моя очередь – и я не обманываю ожиданий публики. Изображаю высокомерно-презрительную усмешку и извлекаю из сумки свой «вклад в общее дело» – две бутылки молдавского красного полусухого и две коробочки шоколада «Вдохновение». Помните такие – с Большим Театром и балеринами, содержащие завернутые в фольгу палочки превосходного тёмного шоколада с начинкой из дроблёного ореха.

Увидев их, девчонки не сдерживают энтузиазма – как же, дефицит, причём довольно дорогой. Мужественно улыбаюсь – и прибавляю к натюрморту кусок пошехонского сыра, завернутого в полупрозрачную «пергаментную» бумагу, и большой жёлтый лимон. Немая сцена, девчонки с двух сторон чмокают меня в щёки. Довольный, как слон, я пластаю новообретенной финкой сыр, нарезаю аккуратными дольками лимон – Катюшка аккуратно раскладывает «закуску» на бумаге, опасливо косясь на хищное лезвие. Нинон тем временем как бы невзначай запускает руку мне под рубашку и прижимается пышным бюстом к плечу, явственно намекая на скорое вознаграждение иного рода.

Вино закупила по моей просьбе Карменсита, когда мы возвращались назад через Москву. Что характерно, кубинке и в голову не пришло возмущаться насчёт несовершеннолетних годов – раз сомраёго Еугенито просит приобрести пару бутылок спиртного – значит, ему надо, и кто она такая, чтобы отказывать товарищу по оружию в подобном пустяке?

Пока она выстаивала немаленькую очередь в вино-водочный отдел гастронома (восемнадцать-сорок, трудовой народ покинул цеха и конторы, и жаждет скрасить будни чем-нибудь горячительным), я заглянул в кондитерский отдел. Повезло – буквально при мне продавщица выложила под стеклянный колпак витрины вожаделенную продукцию Бабаевской фабрики. Я немедленно купил десяток плиток. В деньгах недостатка у меня не было, а «статусные» шоколадки пригодятся – и девчонок угостить, и с совхозным женским начальством отношения нала-

доть не помешает, не фуфырь же от бабы Глаши им совать... Да вот, хотя бы надоедливой бухгалтерше сунуть – звонить-то мне придётся, и ещё не раз.

Продавщица, услышав «мне десять плиток «Вдохновения», пожалуйста», нахмурилась. Мне показалось, что она скажет что-нибудь вроде «не больше двух в одни руки», но – обошлось. Я быстренько выбил в кассе чек и пошёл наружу, к машине, где уже дожидалась недовольная задержкой Карменсита.

Вот так мы и сидим – под огромным тёмным куполом, усеянным не по-городскому крупными звёздами. Развоенный рукав Млечного пути пролёг через весь небосвод, лошади устали щипать траву и замерли неподвижными, отливающими в лунном свете статуями. А Председатель – так и вовсе улёгся, свернувшись в клубок, по-собачьи и лишь изредка фыркает широкими ноздрями...

Катюшка уже прикорнула у Аста на плече, и я указываю ему глазами сначала на Нинон, пригравшуюся у меня под мышкой, а потом на темнеющий в стороне стог. Серёга понимающе хмыкает, я поднимаю свою пассивку и, обняв за плечи, веду к стогу. Не забыв прихватить по дороге наполовину опорожнённую бутылку и кусок сыра.

...нет, что бы там не говорили, а жизнь определённо удалась – хотя бы на сегодняшний вечер...

– Развратничаете, значит? Ну-ну...

Пронзительный голос вывел меня из блаженного забытья. Приподнимаюсь на локте – так и есть, шагах в пяти от стога торчит знакомая фигура. Люська Ильина с третьего курса физфака Крупской, известная скандальным нравом и неистребимой страстью к мелкому доносителству и наушничеству, за что она числится у институтского комитета комсомола в активистках. Ленка и в подотряд напросилась, как глаза и уши этой бдящей организации.

– Ну, Нинка попала... – мелькает в голове. Мне-то самому наплевать, пусть треплет, что хочет, больше завидовать будут. А вот моя пассивка – это дело другое.

– Ну, всё, Ниночка! – голос у Ильиной пронзительный, скандальный, полный самого что ни на есть злорадного торжества. – Можешь не торопиться, я видела достаточно. Со школьниками, значит, развлекаешься?

Под боком у меня пискнуло. Скашиваю глаз – Нинон в первозданном наряде Евы (роль фигового листка играют несколько стебельков высохшей травы) пытается зарыться поглубже в сено и тянется к предметам своего туалета. Она уже поняла ужас случившегося, но ещё не осознала, насколько глубока разверзшаяся бездна. А она ещё как глубока – за связь с несовершеннолетним, да ещё и подопечным, отчисление из ВУЗа плюс исключение из комсомола следует воспринимать, как незаслуженный подарок судьбы.

Вот чёрт, откуда тут взялась эта грёбаная активистка? Впрочем, допускаю, что она изначально знала, кто предаётся греху здесь, в стогу. Скажем, проследила за нами от околицы, а потом терпеливо ждала...

И – вот, дождалась. Недаром они с Нинон грызутся, как кошка с собакой с первого дня нашего пребывания на лоне сельхозработ.

Надо что-то срочно предпринимать. С Люськи станется рвануть в расположение, поднять руководителей практики и поднять такой скандал, что мало не покажется никому. Ещё и Серёгу с Катюшкой в дерьме измажет, хотя они вряд ли зашли дальше обычных поцелуйчиков.

– Ну, чего молчишь? – продолжает распинаться Ильина. – Как он тебе, ничего? Удовлетворил? Ты же у нас слаба на передок, весь институт в курсе! Интересно, что ты скажешь на...

...всё, достала!..

– Не надо завидовать так громко, девушка! А то не бай Бог, кто услышит – может получиться неудобно.

Встаю в полный рост. Поскольку мой наряд отличается от наряда Нинон разве что, расположением соломинок. С удовольствием вижу, как брови нашей обвинительницы полезли вверх.

– Завидовать? Вам? Ей?.. Да я... – но я не даю закончить фразу.

– Это чему же вас в пединституте учат? – продолжаю громко, развязно. При том – не делаю ни малейшей попытки прикрыть срамные места, так что обзор у Ильиной отмененный. Она и смотрит – глаз оторвать не может. Нинон за моей спиной шуршит в сене, натягивая одежду.

– Эксгибиционизмом значит, страдаете, гражданка Ильина? – мой палец обвинительно уставился на вконец растерявшуюся комсомольскую активистку. – Извращенка, значит? И такие у нас будущие педагоги и комсомолки?

Звук, который издала Ленка – нечто среднее между писком и стоном. Но заговорить она всё же сумела, хоть и с третьей попытки.

– Эксгиби... Абашин, ты что плетёшь?

– Эксгибиционизм, – говорю я наставительно. – это болезненная тяга к получению сексуального удовлетворения путём демонстрации своих половых органов.

И немедленно иллюстрирую сказанное, самым пошлейшим способом – потрясаю упомянутыми половыми органами на манер хайлендеров из фильма «Храброе сердце». Которого, Ильина никак не могла видеть, поскольку снят он будет только в девяносто пятом.

– Демонстрирую? Я? – Люська аж подавилась от возмущения. – Да ты же сам... и эта хабалка...

– Ты так в этом уверена? – оглядываюсь по сторонам, обнаруживаю свои трусы, валяющиеся у основания стога, и принимаюсь неторопливо их натягивать. – А вот у нас другое мнение. Согласно ему, ты явилась сюда незваной, сняла юбку, спустила свои труселя и стала смущать нас, несовершеннолетних, видом своих прелестей – вероятно, с целью склонить к групповому половому акту. И, заметь – не только мальчиков, то есть меня и Серёжу, но и девочку, Катю. Что неопровержимо свидетельствует ещё об одной грани твоего извращения. К счастью, твоя одноклассница – киваю на Нинон, которая уже успела натянуть платье, – всё видела и сможет подтвердить.

– Вы не посмеете! – в глазах Ильиной торжество сменилось самым настоящим испугом. – Вам не поверят...

– Уверена? – многообещающе ухмыляюсь. – До клуба тебе бежать не меньше четверти часа. А я верхом буду там через пять минут, и подниму всех на ноги – на предмет отлова сексуальной маньячки, которая охотится по ночам за невинными школьниками с целью втянуть их в бездну разврата. Вот и думай, кому поверят – нам четверым, или тебе одной, да ещё и нетрезвой?

Тут я быю наверняка – ну не может такого быть, чтобы посиделки с гитарой, с которых я увёл ребят в ночное, обошлись без бутылки-другой.

На Ильину жалко смотреть. Она судорожно прижимает руки к подолу юбки, будто подозревает меня в намерении кинуться на неё и склонить к занятию тем самым эксгибиционизмом. Пожалуй, хватит, а то запаникует и всё село на ноги поднимет своими воплями...

– Но я сегодня добрый. – великодушно сообщаю своей визави. – Если посидишь тут, на бережку и охолонёшь слегка – мы, так и быть, никому ничего не расскажем. Я же понимаю... – заговорицки понижаю голос, – у каждого свои сексуальные фантазии, и далеко не всегда удаётся их сдерживать. Против природы не попрёшь, верно, Леночка?

Это был самый настоящий *coup de grâce*¹. Ильина придушенно пискнула, повернулась и скрылась в темноте. К гадалке не ходи, раньше утра в расположении не появится, струсит...

¹ (фр.) Удар милосердия, добивающий удар в схватке.

Как ты её... – раздаётся у меня за спиной. Нинон привела себя в порядок и теперь выбирает из своей роскошной шевелюры застрявшие там соломинки. – Что, правда, так всё и сказал бы?

– А что, были варианты? – отвечаю. – Она бы тебя сдала с потрохами, да и нам с ребятами мало бы не показалось. И вообще, козлов надо учить. А коз, так тем паче.

1979 г., июнь,

Подмосковье.

День в хлопотах

Скандал, как мы и ожидали, развития не получил, хотя Ильина не сумела удержать язык за зубами – на нас с Нинон косятся, кто осуждающе, а кто и с плохо скрытой завистью. Начальство старательно делает вид, что ничего не замечает. Их можно понять, такое ЧП никому не нужно – отписывайся потом, да и позор на весь институт... Мою пессию они, конечно, на карандаш взяли и найдут, как наказать – но когда-нибудь потом, кулуарно, без совсем уж жёстких оргвыводов.

Ужасно хочется спать. Ночью, после позорного бегства комсомольской активистки мы побрели к костру (Аст с Катюшкой, услышав наши шаги, испуганно отпрянули друг от друга и смутились), где я предложил план действий:

– Ладно, девочки и мальчики, посидели, поболтали, пора и поспать, завтрашнюю работу никто не отменял. Только отдыхать будем по очереди, по двое, за лошадьми всё же надо иногда приглядывать.

Сначала – мы с Нинон, а часика в три – демонстрирую запястье с верной «Sekonda» – вы нас разбудите.

– Почему это сначала вы?... – пытается протестовать Аст, но наткнувшись на мою скабрёзную усмешку, умолкает. Катюшке же ничего объяснять не надо – всё понимает, умничка...

Итак, утро. Сегодня мы с Серёгой обошлись без зарядки по полной программе – так, размялись слегка на лугу, перед тем, как вести лошадей обратно на конюшню, к Фомичу. В клуб мы заявили в аккурат к завтраку – руководители практики, предупреждённые о нашем «ночном» предложили нам отдохнуть до обеда. Как же, всю ночь работали в поте лица, скот выпасали... тягловый. Мы спорить не стали, отдых действительно не помешает, особенно нам с Нинон – надо ли говорить, что за всю ночь мы ни разу не сомкнули глаз? Да и Серёга с Катюшкой выглядят сонными, хотя их времяпрепровождение было вполне невинным – разговоры, да робкие обнимашки с поцелуями. Интересно, на этот раз у них сложится? Лишь бы только не стали торопиться, нагледевшись на нас с Нинон, а то проблем потом не оберёшься.

Сегодня коллектив избавлен от работы на плантациях – так наши остряки позвали прополку свёклы.

Девчонок с утра направили на птицеферму и скотный двор, помогать дояркам, ну и на пищеблок. Ребятам же достался мехдвор, совхозная слесарка и множество мелких объектов, где требуются руки, чтобы управляться с разной сельской техникой. Разумеется – под чутким руководством здешних механиков, которым в страшном сне не приснится доверять и без того дышащую на ладан технику заезжим городским соплякам. «Поддай-принеси-поди вон», а заодно, сбегай в обеденный перерыв до сельмага за поллитрой – дело другое, такой работой одноклассники обеспечены до вечера.

До обеда ещё часа полтора и я, подумав, сначала заворачиваю в клуб, а потом, припрятав в карман три плитки «Вдохновения», направляю стопы свои в сторону правления. Необходимо сделать пару звонков.

Насчёт шоколадок я как в воду глядел. Не успел добраться до цели – и вот, пожалуйста, навстречу мне пылит восьмилетний племяш бухгалтерши. К телефону, ага. Карменсита

(она и на этот раз поджидала на противоположном конце провода) недовольным голосом предложила мне прогуляться сегодня в двадцать-ноль-ноль возле перекрёстка грунтовки, идущей от нашего села к шоссе. Такая мелочь, что как раз в это время у нас ужин, разумеется, никого не интересуют. Вручаю недовольной бухгалтерше презент, подмигиваю малолетнему «вестовому» (кажется, я знаю, кому достанется львиная доля шоколадных палочек из заветной коробки) и неспешно направляюсь назад. Очень, надо сказать, вовремя – издали доносятся частые удары арматуриной по половинке газового баллона, подвешенного у входа в клуб. Обед. Что-то у меня кишки подводит, проголодался. И не забыть договориться с Ритулей Дымшиц, чтобы оставила мою порцию ужина – наши богини из пищеблока собираются готовить пюре с тушённой и жареным луком, вкуснотища...

Восемь вечера, и я на месте. Знакомая «Победа» уже ждёт, остановилась, не доезжая метров двадцати от съезда на грунтовку. Я направляюсь к ней бодрой рысью, на ходу постукивая пальцем по стеклу часов – «минута» в минуту, как договаривались. Голова сидящего за рулём наклоняется в жесте согласия.

Разговор не затянулся. Дядя Костя (сегодня он приехал один) сообщает, что наши с Карменситой вчерашние злодеи – самые обычные уголовники и Десантникам отношения не имеют.

Ну, хоть на том спасибо...

После этого генерал достаёт из бардачка бювар, раскрывает и извлекает оттуда несколько машинописных листков. Это мне знакомо – прочесть, запомнить, обдумать. Я так и поступаю – сначала бегло просматриваю текст, потом читаю внимательно, для верности два раза подряд. Вопросительный взгляд – всё? Я киваю, собеседник завладевает листками, открывает дверцу и щёлкает старенькой медной «Зиппо» – никаких подделок, подарок американца из бюро Доннована, спасённого в 43-м, в Аргентине из рук мальчиков Шелленберга. Лёгкий огонь пожирает бумагу, оставляя невесомый светло-серый пепел, который тут же улетает по ветру.

Генерал сухо осведомляется, как дела в совхозе, не нужно ли чего, напоминает ещё раз о необходимости соблюдать осторожность – и уезжает, оставив меня в одиночестве на обочине шоссе.

Гляжу на часы – встреча заняла всего четверть часа. Расту профессионально, как секретный агент: ни слова лишнего, только по делу. Впрочем, с такими наставниками – неудивительно...

На циферблате – двадцать три-сорок. Уработавшиеся за ночь школьники и студенты видят третий сон. Я же не сплю – и вовсе не от того, о чём вы подумали. Сегодня мне не до эротических забав, и придётся очаровательной Нинон скучать в одиночестве, в своей постельке. Мне – нам, поскольку тема напрямую касается и альтер эго – есть о чём поразмыслить. А потому, дожидаясь, когда в спальнях совсем стихнет, забираю одеяло (вчера ночью всю спину исколол сухими травинками!) и на цыпочках выбираюсь на двор. Четверть часа бега – и вот я уже в знакомом стогу. Лето выдалось жаркое, сухое, комары особо не донимают, а думается здесь, в стогу, под крупными летними звёздами просто замечательно. Тем более, что предмет моих раздумий как раз звёзд и касается напрямую.

1979 г., июнь,

Подмосковье.

Ночь. Воспоминания и размышления.

Скажите честно – кто из вас, в свои 15 лет мог подумать, что со звёзд может прийти зло? Я не говорю, разумеется, о поколениях, выросших на Голливуде и компьютерных играх – тем любая пакость в голову может прийти, приучили... Нет, я имею в виду мальчишек и девчонок, которые растут в 78-м. Аста, Миладку, наших одноклассников... Нинон, с которой я так славню покувыркался прошлой ночью в стогу – годков-то ей всего ничего, ещё и двадцати

нет. Наконец, Альтер эго, наконец, каким он был до бесцеремонного вторжения моего «я»... Все они искренне верили, что зло может явиться из Космоса лишь в романе Герберта Уэлса. А то, что имеется пока ещё здесь, на Земле вскорости будет побеждено. А у звёзд, настоящих, невыдуманных, обитают мудрые, добрые, всезнающие представители миллионолетних цивилизаций. И они, конечно, включают землян, в своё Великое Кольцо. Надо только немного подождать, дотянуться до этих самых звёзд...

Реальность, как водится, оказалась куда непригляднее. Всё началось с того, что в самом начале шестидесятых «мудрые и добрые» сами дотянулись до Земли – и принялись вселять свои всезнающие личности в её жителей. Забыв при этом поинтересоваться – а рады ли хозяева подобному соседству? Заботы аборигенов трогали Пришельцев не более, чем заботы каких-нибудь инков – братьев Писарро. Нет, пожалуй, всё же побольше – ровно настолько, что они не позволяли себе убивать землян. Такие убийства были для чужаков чистой воды переводом ценного ресурса – ведь каждый мёртвый землянин означал одного Пришельца, которому не досталось живого тела, и он вынужден коротать ещё невесть сколько сотен лет в виде свёрнутого «ноосферного информпакета». Ведь именно за живыми телами чужаки и отправились в Космос, именно ради них перебрасывали от звезды к звезде и свои личности, и «ноосферные», нематериальные инструменты, с помощью которых и осуществлялось это невероятное переселение душ. Они занимались этим уже неведомо сколько тысячелетий – пока на пути этой «виртуальной» межзвёздной саранчи не оказалась однажды зелёно-голубая планетка, третья по счёту от своего светила...

Что же помешало Десантникам, передовому отряду Вторжения захватить Землю, вселиться в руководителей правительств, высший генералитет, военные чины, отдающие приказы ракетно-ядерным силам? В сущности, ничего – если не считать земных детей и подростков, чьи «ноосферные пакеты», а проще говоря, личности неожиданно оказались сильнее таковых у Пришельцев. Проще говоря, выяснилось, что Десантники не в силах подчинить себе какого-нибудь сопливого двенадцатилетнего Витьку из пятого класса Зарайской средней школы – а вот упомянутый Витька, вернее его «ноосферное «я», вполне способно взять верх над любым, без исключения, «мудрым и всезнающим».

Почему? Да кто ж его знает. Вселенная полна чудес, и далеко не все они познаваемы. Пока важно лишь то, что двое таких вот Витек – разве что, слегка постарше, лет четырнадцати – напроць сорвали захватнические планы Пришельцев, сумев вовремя передать информацию о Вторжении взрослым дядям, способным принимать взрослые решения. Те и приняли – район высадки «Десантников» оцепили войска, Пришельцам дали десять часов на эвакуацию, после чего пообещали ядерную бомбардировку. И чужаки ушли – скрылись в своём «ноосферном ничто», растворились, не оставив следа, который можно было бы потрогать, пощупать руками или датчиками земных приборов.

Так может, их и не было вовсе? Видимо, так и решили власть предержащие – и предпочли сначала наглухо засекретить любые сведения о Вторжении, а потом и вовсе о нём забыть. Но в промежутке между двумя этими событиями специально обученные люди сделали всё, чтобы информация о случившемся, просочись она в свет, не была бы воспринята людьми всерьёз. Например – подсунули довольно известному детскому писателю обрывки сведений о Вторжении и проследили, чтобы он написал на их основе фантастическую повесть. Теперь, если что, можно было сказать – «позвольте, вы что, детских книжек начитались? Прекратите нести чушь, займитесь лучше делом...»

Так и вышло – за одним только исключением. То ли талант писателя оказался сильнее замысла фальсификаторов, то ли случилось ещё что-то, нам пока неведомое – но он сумел угадать поразительно много. Насколько много, что те, кому пришлось спустя полвека встречать второе, массированное Вторжение, пользовались терминами, придуманными им для своей повести.

«Десантники». «Мыслящие». И, наконец, «комонс» – личность, способная подчинять себе всех прочих носителей разума в нашей Галактике. А потому – смертельно опасная для «Десантников». Женька Абашин и его шестидесятилетний двойник, переправленный в прошлое для того, чтобы отвести от землян – всех, до единого, без разбора расы, гражданства, пола и возраста – грядущую катастрофу, несчётное число раз повторенную «потерю себя». Серёга Астахов, Миладка и ещё сотни миллионов детей и подростков, а порой даже и взрослых людей, сумевших сохранить в себе «внутреннего ребёнка».

Уроженцы Земли. Комонсы.

Из медитативного полутранса, каким обычно сопровождаются экскурсии в глубины памяти, меня вывела букашка, заползшая прямо в ноздрю. Оглушительный чих – и букашки как не бывало, вместе с чувством внутренней концентрации. Альтер эго проснулся и недовольно бухтит – разумеется, день выдался тот ещё, выспаться после безумной ночи так и не удалось. Успокаиваю его, расправляю расстеленное на сене одеяло, и снова погружаюсь в раздумья. На этот раз – о предметах более близких, злободневных...

Сожжённые дядей Костей листки содержали выжимки из материалов допроса нашего пленника, руководителя «группы наблюдения», так удачно попавшейся в ловушку, расставленную на даче. Видимо, тот, кто вёл допрос, сумел довести до «клиента» простую мысль: конвенции о правах человека, защите военнопленных и прочие глупости вроде запрета физических методов воздействия в ходе следственных мероприятий, на Пришельцев из космоса не распространяются. А нашего соотечественника, чьё тело он самым коварным образом присвоил, руководство группы склонно рассматривать, как заложника, и заранее списало в сопутствующие потери. Так что – отвечать, когда спрашивают, падла инопланетная! В глаза смотреть, кому сказал?!

Возможно, аргументация была не столь прямолинейной – но запел пленный «Десантник», как соловей. Из его песен и выяснилось, что где-то на берегу Кандалакшского залива, уже полтора десятка лет, как обитает ещё одна группа «Десантников». Последняя из тех, что работали на территории СССР – если не считать таинственного «шефа», а тот вполне может оказаться хоть на Филиппинах, хоть на Земле Франца-Иосифа.

Итак, группа была внедрена в первые же часы Вторжения, в рамках обязательной подстраховочной операции. Её члены, захватив несколько жителей южноуральского городка, покинули район высадки «Десантников» на самом обыкновенном поезде. Менее, чем через двое суток они сошли на перрон железнодорожной станции Пояконда, договорились с капитаном катера, совершавшего нерегулярные рейсы между Поякондой и селениями на Кемском берегу Кандалакшского залива – и канули на просторах Белого моря.

Впрочем, далеко они не ушли. Очередные следы группы всплывают в крошечном посёлке лесорубов – не посёлке даже, а так называемом «спецпоселении», где дотягивали срок расконвоированные заключённые, из числа осуждённых по не самым серьёзным статьям. «Десанникам» понадобилось всего несколько часов, чтобы прибрать к рукам десятков зеков и охрану, состоящую из запойного лейтенанта и двух сержантов-сверхсрочников. А дальше всё пошло, как по маслу. «Десантники» симитировали пожар и скрылись в лесу; прибывшая на место происшествия следственная группа констатировала гибель от пожара и утопления («контингент», спасаясь от огненной стены, попрыгал в реку), на чём дело и закрыли. Беглые же «Десантники» устроили свою базу в лесах – группа считалась резервной и не предназначалась для самостоятельных действий. «Ноосферный модуль», позволявший выполнять операции по «пересадке личностей», рассеялся, отработав положенное число раз. Устройство связи (невещественное, как и прочее оборудование «Пришельцев») работало только на приём, и лишь раз в месяц передавало регулярный сигнал группе наблюдения – «у нас всё хорошо, в готовности, ждём...»

Трудно поверить, но в таком вот «отшельническом» состоянии группа просуществовала с тысяча девятьсот шестьдесят лохматого года – и существует до сих пор. Численность, правда, сократилось – во время последнего сеанса связи старший группы сообщил о шести «активных бойцах». Правилам конспирации и вживанию у незнакомую обстановку, эти «Десантники», в отличие от коллег из ликвидированной группы, обучены, оружием обзавелись в стореvшем спецпоселении. А что команда на активные действия нет уже второй десяток лет – ну так высокому начальству виднее...

В общем, у нас, как писал дядя Костя в заключительных строках, просматривалось три сценария действий. Можно самим накрыть «отшельников» – координаты, переданные пленником, позволяли выйти на них, не прибегая к тотальному прочёсыванию местности или поискам с вертолётов. Но тут имелась загвоздка – «Десантники», подготовленные боевики, вряд ли окажутся столь же лёгкой добычей, как из коллеги из группы наблюдения, потери возможны с обеих сторон.

Другой вариант – оставить всё, как есть, установив, разумеется, наблюдение. Тоже рискованно – за полтора с лишним десятилетия «Десантники» настолько обжились в карельских лесах, что стали там почти что своими. Чего, увы, не скажешь о наших горе-оперативниках.

И, наконец, третий: не мудрствуя лукаво, навести на лёжку Пришельцев местные «органы» – милицию или тех же погранцов. Они охотно с ними разберутся (лишнее раскрытое дело ещё никому не помешало), а под шумок, глядишь, что-нибудь перепадёт и нашей группе. О том же, что захваченные Десантники разоткровенничаются настолько, что раскроют свою истинную сущность, всерьёз думать не приходится. Не идиоты же они, в самом деле!

Короче, мне предлагалось подумать и высказать своё мнение. А чтобы процесс размышлений протекал плодотворнее – генерал сообщил о существовании некоей «спецлаборатории» КГБ, где искали подтверждение конспирологических теорий, занимались проблемами НЛО и прочими необъяснимыми явлениями. Лаборатория была создана в своё время на волне интереса к данной теме. Но сколько-нибудь вменяемых результатов не дала, и теперь медленно, но верно хиреет. И если бы не руководитель, убеждённый фанатик разного рода «паранормальщины» (к тому же, как намекнул генерал, не без покровителя в высшем эшелоне Конторы) – «лаборатория чудес» давно была бы расформирована и предана заслуженному забвению. А сейчас Костя готов рассмотреть вариант, при котором этой шарашке передаётся для всестороннего изучения один из захваченных «Десантников». Чем чёрт не шутит – вдруг эти знатоки тарелочек выжмут из этого «материала» нечто, годное к использованию? Например, заставят, наконец, работать добытый мной в подмосковных катакомбах «детектор Десантников», об который уже сломали зубы спецы дяди Кости? Оно, кстати, и неудивительно – любой сложный прибор требует настройки, сначала грубой, а потом и тонкой. Тогда, в середине шестидесятых, сотрудники отдела по борьбе с Пришельцами настраивали своё оборудование на изловленных Десанниках. Сейчас же, когда создателей прибора нет на свете, а "опытный образец" в наличии всего один – возиться с настройками можно до морковкиного заговенья.

Так что, и тут возможны варианты. В нашем положении нельзя упускать даже самую ничтожную возможность.

...и, кстати, обдумать – за каким рожном «Десантники» попёрлись в такую глушь? С их приёмами конспирации можно было бы найти местечко и попримичнее...

1979 г., июнь,

Подмосковье.

Вечер триумфа.

Праздник души нашего спаянного трудового коллектива продолжается. Уже второй день нет «плантаций» – так с лёгкой руки нашего записного остряка Феди Данеляна прозвали прополку свёклы. Девчонки живо обсуждают обещанный мастер-класс по дойке коров (и что они

в этом нашли), ребят же, как и вчера, развели по мелким механическим работам. Мы с Астом законно приписаны к Фомичу, на конюшню. Сегодня мы обойдёмся без покатушек, так что трудовой график прост и очевиден: почистить животин, напоить, задать корму, выпустить в загон-леваду побегать, снова почистить и покормить, а в промежутках – степенно беседовать с главным совхозным конюхом да заниматься мелкой починкой амуниции. Чем не жизнь?

Вечером, после ужина, у нас намечена дискотека. Громко сказано, конечно – поселковый радиотехник Гена обещает выставить на площадку перед клубом колонки, к которым через самодельный усилитель подключен древний, как мир, кассетник «Электроника». Музыка у нас своя, девчонки заранее шушукуются, прикидывая косметический и чулочно-туфельный ресурс.

А у меня появляется повод даже не для беспокойства – для самой настоящей тревоги. Девчонка из правления, одна из простимулированных давеча «Вдохновением», заглянула перед концом рабочего дня на конюшню, и, отведя меня в сторонку сообщила, понизив голос следующее известие.

Нас придут бить. Самым натуральным образом – парни из соседнего села (всего их в совхозе пять) наслушались от «соседей» рассказов о наглых «городских» и решили утвердить своё главенство в родных пенатах.

И сколько их?

«Много... – сообщила «информаторша». – Десятка полтора будет, не меньше, выпившие. И – с колями...

Что ж, свершилось: готовы обрести плоть страшилки о страшных «деревенских с колями», муссировавшиеся нашими одноклассниками с первого дня сельхозпрактики. До сих пор, правда, обходилось – даже стычек с местными парнями почти не случалось, за крайней малочисленностью последних. А вот теперь, похоже, готово подтянуться подкрепление, и разговор пойдёт по понятиям.

Ну, ничего, наш бронепоезд, как поётся в песне, стоит на запасном пути. Недолго и выкатить.

Неприятель нарисовался сразу после ужина. Толпа деревенских парней – не чрезмерная, человек пятнадцать, как и сообщала моя агентура, промотивированная продукцией кондитерской Бабаевской фабрики. Лица разгорячённые, злые, заведённые, больше половины – крепко навеселе. У трёх-четырёх в руках выломанные по дороге из заборов жердины. Всё согласно канону – ну что, гость незваный, нежеланный, покажи удаль молодецкую, выходи биться к ракитному кусту!

Ну и мы не лыком шиты.

Появляемся во всей красе – обнажённые по пояс, с длинными «а-ля Маленький Джон» дубинками, заранее выстроганными из крепкой берёзы.

В деревнях ещё уважают правила честной драки, не то что в медленно, но верно подгнивающей столице. Если предлагают «двое на двое» – отказываться не принято, запахло.

Схватка, к искренней досаде зрителей, особенно сельчан, собравшихся на площадь перед клубом поохать и повозмущаться, не затягивается. Аст картинно высоко подпрыгивает, пропуская летящий ему в колено кол, после чего отработанным ударом подсекает противнику ноги, а когда тот падает – приставляет кончик дубинки к гортани. Финита.

Я же принимаю удар сверху на середину своего оружия, отбрасываю в сторону и с проворота бью визави по кумполу. Вообще-то таким ударом можно и череп раскроить, но сейчас мой противник всего лишь хлопается на пятую точку и принимается громко, часто икать. Сотрясение средней тяжести – а вот не будешь буянить, мил человек...

Психологическое давление – наше всё. А потому – принимаю низкую стойку, с отведённой назад левой рукой с дубинкой; правую же вытягиваю к третьему, ещё не участвовавшему

в драке парню. И, хищно прищурясь, копирую жест Морфиуса из «Матрицы»: несколько раз призывно сгибаю ладонь, приглашая очередную жертву приблизиться. Та выпускает из рук своё оружие, лихорадочно мотает головой и пятится за спины соратников.

...так, трое готовы, спеклись. Ещё есть желающие?..

Деревенские несколько растеряны. Вперёд выходят двое – явные заводицы, и в руке одного опасно блестит нож.

– Да ты что?..

Отбрасываю дубинку и картинно-небрежно извлекаю из-за голенища сапога сегодняшнее приобретение и выписываю перед собой несколько бесполезных, но донельзя эффектных финтов. По толпе проносится единый вздох, в задних рядах женский голос принимается голосить что-то насчёт милиции.

...нет уж, поздно пить боржоми...

Как там говорил Великий Комбинатор? «Человека надо довести до состояния, когда его можно запугать обычным финским ножом».

Ну, так Остап Ибрагимович совершенно прав. Один не самый плохой автор как-то писал, что у боевого ножа есть одна, главная задача – психологическое воздействие на противника. И достигается это как зловещим внешним видом самого клинка, так и «легендарностью», узнаваемостью. Оттого-то всегда будут в моде ка-бары, «финки НКВД» и прочие боуи с навахами.

Моя обновка – как раз из числа таких вот, легендарных. В особенности, в глазах человека понимающего, а такие среди деревенских наверняка имеются, и немало.

Узкое, «щучкой», лезвие, дужка-упор, наборная рукоять – зоновская классика, немало говорящая о своём владельце. Парни, увидав её, испуганно попятнулись – в том числе и заводила с ножом. Ему уже не хочется лезть на рожон, но и отступить, потерять лицо перед сотоварищами – дело совершенно невозможное. Нужен повод, а его нет...

Что ж, нанесём завершающий штрих.

Хряск! Брошенная твёрдой рукой финка глубоко уходит в столб, поддерживающий навес крыльца. Деревенские шарахаются назад, заводила заворожённо смотрит на дрожащую в полуметре от его головы рукоять-сапожок.

– Понравилось? – спрашиваю. – Да ты попробуй, выдерни...

Он ошеломлён настолько, что следует моему совету. Безуспешно – лезвие до половины ушло в плотную древесину, и теперь надо сначала хорошенько раскатать его вверх-вниз.

Делаю шаг вперёд, не убирая с лица доброжелательной улыбки. Заводила пятится, свой нож он уже спрятал.

– Надеюсь, всё понятно? – говорю почти ласково. – Договоримся так: На танцы можете приходить, но чтобы ни драк, ни приставаний к нашим девчонками. Всё ясно?

После танцев (на которые местные остаться не рискнули) мы устроили большой костёр. Идея была спонтанной – перетаскивали лавки из столовой на задний двор, расчистили место, аккуратно обложили битым кирпичом из приткнувшейся к стене клуба кучи. Ребята сбегали за дровами – где они их надыбали в этот поздний час, я спрашивать не стал. Не хочешь получить в ответ ложь – не интересуйся, чем не надо. Но подозреваю, не одна поленница в соседних дворах сегодня вечером немножечко похудела...

Костёр пылает, языки пламени взлетают вровень с крышей сельского клуба – парни постарались. Коллектив уселся кружочком, кое-кто уже пытается протянуть к пышущему вулканически жаром огню прутики с нанизанными на них сосисками и ломтями хлеба, кто-то уже приготовил картошку. Рано, мальчики и девочки – вот подождите, пока прогорит до углей, и только тогда...

По кругу пошла алюминиевая трёхлитровая ёмкость с пластиковой ручкой – «Термос комбайнёра Т-3 РЗЭП для холодной питьевой воды». Этот полезнейший в жаркие летние

дни девайс я приобрёл у одного из аборигенов мехдвора по грабительской цене в три рубля. Польстился по старой памяти – когда-то у меня был такой, вещь совершенно неубиваемая, благодаря внутренней металлической колбе. Да и горячую воду держит прилично, хотя, конечно, хуже обычного, стеклянного.

Только вот сейчас это чудо советской сельхозпрома наполнено отнюдь не водой, хотя и, безусловно, холодной...

И-и-и – подать сюда гитару! Господа гусары гуляют!

*«В ночном саду под гроздью зреющего манго
Максимильян танцует то, что станет танго.
Тень возвращается подобьем бумеранга,
температура, как под мышкой, тридцать шесть...»*

А подать сюда Карменситу! Уж она-то оценила бы... Хотя – найдутся и другие ценители – вон, как ухмыляется Витька Гинзбург, наш первый школьный диссидент. Несомненно, знает, чьи стихи сейчас звучат.

Киваю в ответ. Витька с родителями уедут сразу после Миладки, в ноябре этого года. А пока...

*«Мелькает белая жилетная подкладка.
Мулатка тает от любви, как шоколадка,
в мужском объятии посапывая сладко.
Где надо – гладко, где надо – шерсть...»*

А много ли слушателей вспомнит о «Максимилиане Габсбурге, называющем себя императором Мексики» и о его страшной судьбе? Да и плевать. Пусть мёртвые хоронят свих мертвецов... Эй, где там моя персональная мулатка, сиречь, Нинон?

*«А в тишине под сенью девственного леса
Хуарец, действуя как двигатель прогресса,
Забывшим начисто, как выглядят два песо,
Пеонам новые винтовки выдает...»
Затворы клацают; в расчерченной на клетки
Хуарец ведомости делает отметки.
И попугай весьма тропической расцветки
Сидит на ветке и вот так поет...»*

Это всё в чистом виде понты голимые, самолюбование. А что? Имеем в кои-то веки право! Альтер эго на кураже, как и мы с Астом. Между прочим, вполне заслуженно – это ведь он провёл бой, я лишь подсказал пару мелочей, типа давешнего «жеста Морфиуса», да приглядывал, чтобы если что, мгновенно перехватить «управление».

Но – не понадобилось. Справился.

*"Презренье к ближнему у нюхающих розы
пускай не лучшее, но честней гражданской поэзы.
И то и это вызывает кровь и слезы.
Тем более в тропиках у нас, где смерть, увя,
Распространяется, как мухами – зараза,
иль как в кафе удачно брошенная фраза,*

*и где у черепа в кустах всегда три глаза,
и в каждом – пышный пучок травы"!..²»*

Так-то. А вот и Нинон – глаза горят, сама льнёт к герою дня, на всё готовая, на всё согласная, и я вижу, как вспыхивают огоньки зависти во взглядах то одной, то другой из наших девочек. Уж извини альтер эго, жизнь – штука порой несправедливая. И судьба тебе сегодня отдыхать за мутной завесой подсознания, в то время как «Второй», как ты меня называешь, будет вкушать заслуженные, хоть и запретные плоды победы.

...да ладно, чего там! Успеешь ещё, какие твои годы...

1979 г., июнь,

Подмосковье.

Вечер с печальным финалом.

Новый трудовой день. Жара, свёкла, «Работай, негр, солнце ещё высоко». Мы с Астом не воспользовались возможностью откосить от «плантаций» на конюшне и честно пашем вместе со всеми. Тем более, что на хозяйство Фомича сегодня, ближе к вечеру, у нас имеются планы.

Дело в том, что вечером должны приехать наши классные. Мы решаем встретить их с помпой. Галина предварительно позвонила, сообщила на какой электричке они с Татьяной Иосифовной приедут. Причём – позвонила прямо с переговорного пункта на вокзале, так что можно рассчитывать, что планы в последний момент не изменятся. Ну и мы с Астом готовы – у Фомича позаимствован Председатель, на этот раз вместе с седлом, и тихая соловая кобылка Фрося. Кобылка запряжена в телегу, на которую навалена свежая солнечно-жёлтая солома, прикрытая чистой мешковиной. Такой процессией мы и отправляемся встречать наших классных – я верхом на Председателе, Аст же правит гужевым транспортом – научился за время практики. С ним на телеге Катюшка Клейман – в руках у неё глечик (так, на малороссийский манер, здесь называют глиняные кувшины) с молоком и завернутые в тряпицу пирожки, продукция нашего пищеблока. Ритуля Дымшиц постаралась – капустой, с картошкой, с луком и яйцами. Вку-у-сные...

От станции Галина с Татьяной Иосифовной собираются ехать на автобусе – местном облупленном «ПАЗике», в который на вечерние рейсы народу набивается, что шпроты в банку. Но мы их от это избавим: встретим прямо у платформы, посадим, забросим на телегу вещи и отвезём со всем полагающимся деревенским шиком. Конечно, получится подольше, чем на механической тяге, зато – погода изумительная, июньский вечер тих и прозрачен, на шоссе пусто, хоть шаром покати. Лошади фыркают, на мягкой соломе так удобно сидеть и хлебать из глиняной посуды парное, ещё тёплое молоко вечернего надоя. Некрасов пополам с Есениным и прочими прелестями русской деревни – получите!

Если честно, то вся эта встреча – не что иное, как самый примитивный подхалимаж. Классным наверняка наплетут сорок бочек арестантов про наши с Астом подвиги – вот мы и стараемся заранее умиловить. А если серьёзно – мне просто радостно от того, как всё сложилось. Радостно видеть улыбки гостей, слышать изумлённые ахи и охи, подъезжать на ходу поближе к телеге, чтобы Галина и её подруга могли, привстав, потрепать могучую шею Председателя и протянуть ему на открытой (неприменно открытой, Катюшка объяснила) ладони кусок пирожка. И снова восхититься, как конь благодарно фыркает и тянется за новой подачкой... А я, расслабленный, довольный как слон, уступаю альтер эго и делаю шаг вглубь.

«Щёлк-щёлк...»

² И. Бродский, «Мексиканское танго»

Поворот к «усадьбе». Телега сворачивает с растрескавшихся бетонных плит на пыльную грунтовку, и Денька, демонстрируя новообретённые навыки (прав «Второй», прав, он учится с невероятной какой-то стремительностью) пускает Председателя в карьер, не забыв лихо, поразбойничьи свистнуть. Восторг, упоение – барабанная дробь копыт, ветер в ушах, и пыльный шлейф тянулся за бешено несущимся жеребцом. Ускакав вперёд метров на триста, Женька осадил коня, развернул – и назад, тем же бешеным аллюром. И, не доезжая до телеги метров десять, снова осадил и – резко, как не раз это делал «Второй», вздёнул коня на свечку. И, на самом пике восторга вдруг понял, что Председатель заваливается на спину, грозя придавить его всеми шестьюстами килограммами своего живого веса.

Его спасли тапочки – резиновые, с матерчатым верхом, полукеды на босу ногу. Они легко выскочили из стремян, позволив в последний момент вывернуться из-под рушащейся в пыль конской туши. И, словно во сне – испуганные крики обеих учительниц...

...ну, и кого мне за это материть? Уж точно не альтер эго – он забился в дальний уголок нашего общего мозга и носу оттуда не кажет. Вот и не кажи, сиди, осознавай... Хотя, если по справедливости – то в чём его вина? Это мне надо было думать, старому дураку, упустившему контроль за ситуацией в самый ответственный момент. Понимал же, что конь тяжеловат для такого всадника, не привычен к лихим кавалерийским приёмам. А сам альтер эго весь звенит от возбуждения, и последнее, о чём он сейчас думает – так это о безопасности, хотя бы в силу того, что не представляет, что с ним может произойти. Нет же, подумал: пусть дитяtko потешится, получит свои пять минут славы, насладится заслуженным триумфом. Вот, значит, и насладился...

Аст поймал Председателя – да тот и не пытался убежать, отошёл на обочину и пощипывал, как ни в чём не бывало, травку. Меня уложили на телегу, прикрыли зачем-то мешковиной и в таком героическом виде – чем не возвращающийся с битвы раненый витязь? – отвезли в нашу штаб-квартиру. Катюшка шла впереди и вела под уздцы Фросю. Татьяна Иосифовна взялась ей помогать, хотя и косилась на безответную скотинку с опаской – а вдруг выкинет трюк вроде давешней свечки Председателя? Галина же уселась на телегу и вытирала мне лицо платком, повторяя один и тот же вопрос: «где болит, Женечка»?

Дальше события развивались вполне предсказуемо. С трудом удалось отбиться от попытки перенести меня в спальню на руках, о чём немедленно и пожалел. Каждый шаг отдавался болью и в вывихнутой руке и в рёбрах – Председатель, волчья сыть, поднимаясь на ноги, от души зарядил мне копытом в правый бок. Теперь он представляет собой один громадный багрово-лиловый синяк, а рёбра немилосердно болят – к гадалке не ходи, трещина, а то и две.

С вывихом удалось справиться довольно легко. Руководитель практики Рудольф Сергеевич ощупал повреждённую конечность, сказал Асту – «держи его покрепче» и без предупреждения рванул мою на себя.

От моего вопля едва не вылетели стёкла, а с крыши клуба снялась, недовольно каркая, стая ворон. Альтер эго вторил мне из тёмных глубин подсознания – похоже, он решил, что всё, инвалидность – отныне его судьба. Но минуто спустя, когда боль отпустила, я обнаружил, что рука двигается почти свободно. Всё ясно: опытный спортсмен и преподаватель физкультуры, наш руководитель практики конечно, не раз вправлял вывихи прямо в спортзале. Вот и сейчас – он успокоительно потрепал меня по плечу, посоветовал продеть руку в нацепленный на шею платок, а на рёбра наложить стягивающую повязку. Что мы и проделали – но сначала я подозревал Аста и попросил его сгонять в правление, к телефону.

Серёга вернулся через четверть часа, когда моя тушка была уже перевязана, обряжена в футболку (на редкость мучительная операция!) и сообщил, что дозвонился, и завтра с утра за мной приедет Карменсита. Я кивнул, испытывая облегчение – меньше всего мне хотелось трястись сейчас на совхозном УАЗе-буханке до райцентровской больницы. Впрочем, мысль

эту быстро оставили – Рудольф Сергеевич уверял, что ничего серьёзного, парень отлежится, а рентген можно и завтра сделать, в Москве. Галина даже попробовала придать происшествию характер комический, процитировав своего любимого Пушкина:

«Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваясь...»

Ну, разу уж «наше всё» пошёл в ход, значит страсти поутихли, можно не ожидать визита «Скорой» и отправки в какую-нибудь здравотделовскую дыру. Ночью плечо и бок конечно будут болеть, это я знал по прежнему опыту, но завтра этой напасти придёт конец – в Москве, куда меня доставит Карменсита, травмами займутся специально обученные люди. Одна проблема – дома, на Речном, никого, родители уехали в отпуск, на машине, по Закарпатья. Значит, придётся ехать к деду и бабушке на Ленинский проспект. Что ж, не самый скверный вариант. В любом случае, совхозное житие для меня закончилось.

Уже когда стемнело, в комнату ко мне прорвалась, наконец, Нинон – раньше её не пускали, чтобы не отсвечивала лишний раз при наших учительницах. Аст и ребята, деликатно переглянувшись, вышли на улицу, подышать перед сном воздухом. Я же был обласкан, обруган, снова обласкан и обвинён в равнодушии и безответственности – любой знает, что говорит женщина в подобных случаях. Дело закончилось ожидаемо: долгими, нежнейшими поцелуями и попытками сексуально прижаться к моей обнажённой груди, от чего я едва не взвыл от боли – рёбра, чтоб их...

В-общем: «мы ведь ещё встретимся, в Москве»? Оставила телефон – сама записала в блокнот, извлечённый в ящике моей тумбочки. Пришлось дать и свой тоже. Нинон, конечно, мила, да и в постели просто огонь – но как бы поделикатнее объяснить ей, что мне совсем скоро станет не до личной и даже не до интимной жизни? А ведь станет – внутренняя чуйка ясно об этом предупреждает, и не поверит ей на моём месте только полнейший болван...

1979 г., июнь,

Москва.

Просто летний день.

Из совхоза меня забрала Кармен, на знакомой двуцветной «Победе».

Надо было видеть, какими обжигающими взглядами пронзила кубинку на прощание Нинон!

До Москвы доехали довольно быстро, благо, о пробках на подъездах к столице здесь ещё никто не слыхал. И вот мы в городе – матерчатый верх по случаю полуденной июньской жары откинут, мы летим по Садовому. Волосы Карменситы развеваются по ветру, и мы невольно ощущаем себя персонажами с картины Пименова «Новая Москва». Вернее, только я ощущаю – вряд ли Кармен знакома с этим шедевром соцреализма, у неё здесь, в Союзе, несколько иные интересы...

Около киоска с мороженым прошу остановить. Карменсита послушно тормозит, и я неловко вылезая наружу – рука на перевязи и боль в боку, остро отдающаяся при всяком движении делают меня до отвращения неуклюжим.

Сую продавщице смятую трёшку, получаю сдачу и через несколько секунд я снова в машине, рядом с моей «телохранительницей».

Небольшая коробка с аляповатым рисунком холодит колени даже сквозь ткань брюк.

Карменсита скашивает глаз на покупку и трогает с места.

– Мороженое?

– Торт-мороженое. – говорю.

– А по какому случаю пир?

– Не поверишь – всё детство смотрел на эти тортики сквозь стекло киосков «Мороженое», но так ни разу и не попробовал, обходился обыкновенными пломбирами и эскимо. А потом они как-то разом исчезли из продажи, а то, что появилось уже потом, в девяностых – все эти большие банки от разнообразных «Баскин-Робинсов» меня уже мало интересовали. И вот, здесь – решил, наконец, попробовать...

На Ленинский мы не поехали – стоит ли травмировать бабушку видом моей скособоченной фигуры и синюшного бока? Решено пока поселить меня на конспиративной квартире, под присмотром всё той же Кармен – похоже, она окончательно превращается в моего личного опекуна и телохранителя. Одноклассники пробудут в совхозе ещё неделю, и этого времени мне должно хватить, чтобы худо-бедно встать на ноги.

Так что торт-мороженое решено уничтожить под кофе, который Карменсита варит просто потрясающе. Запас кофейных зёрен нескольких сортов, как зелёных, так и обжаренных, обнаруживается на кухне, вместе с антикварной ручной мельницей и электрической жаровней, полной белого кварцевого песка. Пока Кармен священнодействует с обжаркой и помолом зёрен, набираю номер, который вручил мне при последней нашей встрече дядя Костя. Генерал сначала задаёт дежурные вопросы о моих рёбрах и плече (ты смотри, уже в курсе! Впрочем, странно, будь оно иначе...), интересуется, как мы доехали. И сообщает, что будет на квартире в восемнадцать-ноль-ноль, ждите. Нам же велено пока отдыхать, приводить себя в порядок и не высовываться. И мы послушно следуем приказу – Карменсита, сноровисто поправив стягивающую повязку у меня на боку (решительно, эта девчонка умеет всё!) наполнила из турок фарфоровые чашечки, я же открываю картонную коробку – тортик уже начал оплывать на дневной жаре – и мы приступаем к празднеству желудка и вкусовых пупырышек.

1979 г., июнь,

Москва.

Вечер подведенных итогов.

Двадцать часов десять минут. Мы плотно поужинали снедью из большого пакета, собранного для генерала в буфете для старшего состава на Лубянке (номенклатурных привилегий никто не отменял!) и теперь сидели на кухне. Карменсита, погрела посудой и удалилась, плотно прикрыв за собой дверь.

– ...никогда не мог понять, – говорил я, – почему историю с Вторжением тогда, в шестидесятых, так наглухо засекретили? Почему не дали знать всему миру? Ведь ждали со дня на день повторного Вторжения, а к нему и подготовиться вместе проще, Десантников внедрённых переловить. Вот и в книге так поступили – там, помнится, даже генсека ООН приплели...

– Так то в книге. – дядя Костя невесело усмехается и стряхивает пепел с бледно-зелёной «гаваны». – На то она и книжка, к тому же, фантастическая...

Вообще-то, двоюродный дед не курит. И, если и позволяет себе – то лишь так, как сейчас, под кофе и серьёзную беседу. В серванте, у его дома, хранится на такой случай пара-тройка коробок настоящих кубинских сигар, из числа тех, что нельзя купить ни за какие деньги – продукция крошечной фабрики, снабжающей сигарами самого Фиделя. Он-то и присылает эти коробочки в подарок «команданте Коста» по пять раз в год – на Седьмое Ноября, на Первомай, на День Советской Армии, да 26-го июля, в День Национального восстания, когда Кастро со своими сторонниками пытался захватить казармы Монкада. Ну и, конечно, на собственный, генерала, день рождения. Сигары дядя Костя извести не успевает – раздаривает коробочки друзьям. Вот и на конспиративной квартире, держит, оказывается, запас, надо думать – для особо важных и вдумчивых бесед. Вроде сегодняшней.

– Так то книга, к тому же, детская. – повторил генерал. – А на деле – поначалу, думаю, ждали, когда будут получены доказательства поубедительнее. А их так и не нашлось – един-

ственную «вещественную» улику «спецотдел» изготовил сам, тот самый «детектор Десантников». А потом случился переворот, «спецотдел» разогнали, и...

– Значит, дело только в отсутствии улики? – спрашиваю.

– Вряд ли. – дядя Костя плеснул себе на палец рома «Гавана Клуб» из большой бутылки с конкистадором на этикетке. В мой же бокал после секундного размышления, долил «Пепси».

– Я склонен считать, что объяснение насчёт недостатка доказательств было для рядовых «посвящённых». Ну и на тот случай, если информация всё же уплывёт и придётся оправдываться перед всем миром.

– А на самом деле?

– А ты не догадываешься? – сощурился генерал.

Я помотал головой. Догадки были, конечно – но расплывчатые, невнятные. Я даже не взялся бы их вот так, с ходу, сформулировать в единую версию.

– Нашлись те, кто хотел использовать будущие наработки «спецотдела» в своих интересах. Они ведь как рассуждали: если существует механизм пересадки личности другому человеку, то возможно, им можно овладеть применительно, так сказать, к землянам? Есть же, в конце концов, эти самые «особые способности» земных подростков – так почему бы не распространить их и на взрослых?

– То есть они хотели заполучить оружие? – уточняю.

– Никаких сомнений. Скажу больше: видимо, информация всё же утекла, хотя и в искажённом виде. И когда скидывали кукурузника, «спецотдел» решили прихлопнуть, опасаясь, что их секретные разработки, реальные или мнимые, будут использованы против заговорщиков.

– Но они же реально ничего такого не могли!

А кто об этом знал? Неизвестная опасность всегда кажется серьёзнее, чем есть на самом деле. Потому и убрали сначала генерала, руководителя «спецотдела», а потом взялись и за рядовых сотрудников. По принципу – «так не доставайся же ты никому». А потом и разбираться стало некому – скорее всего, Семичастный с перепугу тогда зачистил вообще всех, кто был в курсе, даже тех, кто работал на него. Ну, или запугал так, что они молчали до конца жизни.

...так, мысль, наконец, сложилась...

– Есть и другой вариант, – говорю. – Возможно, наверху испугались, что на Западе найдутся те, кто, узнав о Десанниках, пойдут на сделку с ними ради каких-то сиюминутных выгод.

– Возможно и такое. – соглашается генерал. – Но был ведь и прямо противоположный вариант: сведения о Пришельцах и готовящемся нападении могли привести к невиданной консолидации усилий всей цивилизации, куда там коалиции союзников во время Второй Мировой! Варшавский блок, НАТО, Китай, Израиль, арабы, южноафриканцы, вся Латинская Америка – никто не остался бы в стороне! Я как представляю, какие были утрачены тогда перспективы, какие шансы упущены – плакать хочется.

– Но почему утрачены? Даже сейчас всё ещё можно изменить, если очень постараться.

– Полагаешь? – дядя Костя испытующе смотрит на меня, и от этого взгляда мне делается не по себе. – Тогда ответь мне вот на какой вопрос...

Вопросов оказалось немало. Пришлось ещё раз звать Карменситу – чтобы сварить кофе и приготовить горячие, на американский манер, бутерброды с помидорами, луком, сосисками и расплавленным сыром. Стрелки настенных часов показывали половину одиннадцатого, когда мы, наконец, вернулись к злободневным вопросам.

– А помните, дядя Костя, вы ещё в апреле обещали познакомить меня со вторым парнем? Товарищем того, который в Силикатах?..

Генерал кивает.

– Было дело, да. Кстати, хорошо, что ты об этом вспомнил. Тут ведь какая сложность...

Он замялся, вертя в пальцах «гавану», уже третью за этот долгий вечер. Дотянулся до позолоченной гильотинки, щёлкнул.

– Не против, племян?

Я пожал плечами, и он принялся осторожно раскуривать шедевр табачного искусства. Аромат дорогущего кубинского табака снова поплыл по кухне. Уж не знаю почему, но дым сигарет всегда раздражал меня несказанно, а вот трубочный или сигарный – это пожалуйста, это мне нравится.

– Так вот, сложность. Этот парень, видишь ли, нам не доверяет. Он вообще никому не доверяет: сидит, как сыч, в своей Вологде, куда он перебрался после разгрома «спецотдела», и работает, как одержимый. Он же, в отличие от своего друга, того, что погиб в силикатах, успел выучиться на физика-теоретика и, как мы теперь подозреваем, под конец регулярной своей деятельности, успел нащупать что-то важное. Причём, настолько важное, что материалы были изъяты даже из папок, сданных потом в спецхран – и подозреваю, он сам их оттуда и изымал. Что именно в них было, и над чем он сейчас работает, мы установить пока не можем. Элементарно знаний не хватает, да и наблюдать приходится издали. Если он что-то заподозрит – могут быть неприятности.

– Сбежит?

– Вряд ли. Он инвалид, прикован к каталке. Но тут надо очень, очень осторожно – есть сведения, что он всё время держит при себе боевую гранату, на случай попытки захвата. Сейчас он вообще никому не верит.

– Гранату? – переспрашиваю.

...н-да, это неприятный сюрприз. Искалеченный, напуганный, никому не доверяющий человек способен на самые отчаянные действия...

– И что же делать?

– Не забывай, он знаком с теорией комонсов-подростков. По себе, заметь, знаком, не только по книжкам.

– То есть, с взрослыми он не будет иметь дела? Хотите, чтобы мы с ним на связь вышел я... мы с Серёгой?

Дядя Костя удовлетворённо хмыкает.

– Схватываешь на лету, внучек. Именно это я и хотел вам предложить. Двое подростков, в точности как они тогда, к тому же – в курсе всех дел, и тогдашних, и нынешних и... хм... грядущих. А те, Десантники, вашего брата, школьника боятся, как огня и обходят пятой дорогой. Должен поверить, должен! Если не вам – то кому же ещё?

Пронзительный, дребезжащий звонок в дверь заставил меня непроизвольно дёрнуться. Длинный, два коротких, снова длинный – Толя, водитель и порученец дядя Кости. Он всегда так звонит – наверняка нехитрый код был обговорен заранее.

На этот раз кухню пришлось покинуть мне – генерал выразительно глянул, и я отправился в спальню. Понятно, дела секретные...

Надолго изгнание не затянулось. Генерал с визитёром протопали по коридору, хлопнула, закрываясь, входная дверь, и меня снова позвали на кухню.

– Тут, видишь ли, какое дело... – дядя Костя повертел в пальцах потухшую сигару и пристроил её на край пепельницы. – Мы решили навестить три захоронки, из числа тех, чьи координаты ты нам передал. Понадобились, понимаешь, срочно дополнительные средства. Так вот, с двумя всё оказалось в порядке, изъяли без происшествий. А вот третья...

Он сделал многозначительную паузу.

– Третья оказалась пуста. Совсем. И, судя по всем признакам – вскрыта совсем недавно, буквально несколько дней назад. Следы посещения, взлома, прочие детали... Такие-то дела, внучек.

Я крикнул, потянулся к бутылке и щедро плеснул в кофе тёмного рома. Отхлебнул – получившаяся смесь обжигающим комом покатилась по пищеводу. Похоже, перестарался – градусов двадцать, не меньше...

Брови собеседника вопросительно поползли вверх, но возражать он не стал – только отодвинул бутылку подальше от меня.

Да, это сюрприз, да ещё какой! Признаться, я ожидал чего-то подобного – но не так же скоро!

– Да ты погоди, не впадай в панику. – генерал, похоже, угадывает мои мысли. – Мало ли, что они там у себя, в будущем, напортачили, когда готовили для тебя материалы по захоронкам? Работать-то им пришлось в спешке, да и в архивах, знаешь ли, вполне могли напутать. В МВД бардака хватает, можешь мне поверить. Так что поводов для паники не вижу – отдохнётся, подлечишься, а там и твой приятель из совхоза вернётся, будет вам чем заняться. Я тут прикинул...

Я слушал его и всё больше убеждался: нет, это «ж-ж-ж» неспроста. А значит, сведениям, полученным в 2023-м году, больше нельзя слепо доверять. Что-то пошло не так, и дальше мне – нам всем, если уж на то пошло! – предстоит двигаться, словно по минному полю.

Впрочем – разве до сих пор было как-то иначе?

Конец первой части

Часть вторая

«В доме, где резной палисад...»

1979 г., лето

Вологда

День в провинции

Каретка пишущей машинки взвизгнула и вернулась назад, повинуюсь нажатию блестящего хромированного рычага. Массивный пятикилограммовый агрегат содрогнулся – так, что отозвался дрожью стол, на котором он стоял. Конечно, ГДРовская «Эрика» не требует таких усилий – она легче, компактнее и не производит при работе тектонических подвижек. Но он никогда не любил электрические машинки, предпочитая старую добрую механику. «Они жужжат, – таков был ответ на вопрос, почему не сменит архаичный агрегат на что-нибудь поновее – жужжат и требуют, чтобы я печатал, не дают подумать!» К тому же, на окраине Вологды, где он уже много лет обитал в двухкомнатной квартирке на втором этаже деревянного, дореволюционной постройки дома, частенько отключали электричество, а на механической «Москве» можно работать и при свечах или при свете камина, возле которого и стоит столик с архаичным механическим агрегатом. А под столиком – старый фибровый чемодан, куда он складывает копии своих статей. Это удобно: случись что, можно наклониться, извлечь, не вставая с каталки, чемодан и, распахнув крышку, высыпать всё содержимое на угли. Потому камин и горит даже сейчас, невзирая на подступающую дневную жару.

Машинка захлебнулась очередной пулемётной трелью. Он остановился, вскинул кисти, помотал пальцами – чуть ли не единственная форма гимнастики, доступная его истерзанному, прикованному к креслу-каталке телу. Потом наклонился и провернул валик, извлекая листы. Две копии, под копирку – он всегда так делает. Машка, девчонка из третьей квартиры раз в неделю бежит в «Канцелярию» на соседней улице – за копиркой и писчей бумагой. Там её узнают и спрашивают: «зачем тебе столько, девочка»? Роман пишешь, или уроков так много задают? Пока удаётся отшучиваться – он настрого запретил девчонке рассказывать кому-нибудь о странном соседе.

Зафырчал мотор грузовичка. Владелец машинки выглянул в окно – старенький ГАЗ-51 с коричнево-бежевым ящиком, украшенным белой надписью «Хлеб» на боковых дверках, катит в соседнюю булочную. Значит, уже семь утра – по фургончику можно сверять время. Жизнь здесь, на окраине города тихая, размеренная, и за эти годы он так хорошо выучил её ритм, что мог теперь обходиться без часов. В восемь-тридцать прокатится по улочке коммунхозовская поливалка, а в двенадцать-тридцать на стеклянных дверях магазина «Рыба-Мясо», что расположился напротив его окон, монументальная продавщица в несвежем белом халате повесит табличку «Обед» – значит, минуло тридцать минут пополудни и пора принимать лекарства...

Пыль, поднятая хлебным фургоном, медленно оседала на растрескавшийся асфальт. Лето, жара, по этому открыты нараспашку, и в них с щебетом птичьей мелочи волнами вливается душистый воздух. Липы растут по всей улице, и их аромат проникает повсюду, особенно весенними ночами, когда он лежит, распахнув окошко, и пьёт наполненный смолистым духом воздух. И воображает, что это – чудодейственное лекарство, благодаря которому можно будет встать и пойти, забыть и об инвалидном кресле, и о таблетках, и обо всём, что свалилось на него после того рокового дня в Москве.

Заместитель руководителя в последний раз собрал всех сотрудников – до кого смог дотянуться. Новости были хуже некуда: ночью застрелился возглавлявший «спецотдел», арестованы два офицера, отвечавших за безопасность проекта. Почему не пришли за остальными –

оставалось только гадать. А лучше, не терять времени, и воспользоваться неожиданным подарком судьбы. Зам раздал сотрудникам пачки денег в банковских бандеролях – «на первое время хватит». Предупредил, что пользоваться старыми своими документами опасно – только запасными, на другие имена, подготовленными заранее для каждого из сотрудников. Пресёк начавшиеся разговоры о том, кто куда поедет – не нужно, чтобы кто-нибудь из них, попавшись, мог навести преследователей на след коллег. С грустью выслушал в очередной раз оправдания тех, кто решил остаться. Уговаривать смысла не имело: всё тысячу раз говорено, с тех пор, как они узнали о том, что сняли Хрущёва, и руководство отдела с минуты на минуту ждёт дальнейших «оргвыводов». Понять их просто – у каждого семьи, дети ходят в школу, да и вообще, вдруг как-нибудь, да обойдётся? В конце концов, они честно служили – и продолжают служить! – Родине, а за интриги руководства какой-нибудь лаборант или мэнээс³ не в ответе. Не объяснить наивным дурачкам, что непростительной виной является само причастие к Тайне, и никто не будет разбираться, чем ты занимался – настраивал ли приборы, разрабатывал ли стратегию обнаружения Пришельцев. Виноваты все, потому что – *знают*.

И он не стал ждать. Получил «подъёмные», повторил несколько раз адреса «до востребования», куда надо, не раньше, чем через полгода, будет послать открытки. А так же названия газет, где появится, если что, статья с условленным словосочетанием в тексте. Знак того, что можно выходить из глухого подполья, возвращаться. В эту возможность он не верил, как и остальные – но запомнил, затвердил и убрал на дальнюю полочку своей памяти.

Вряд ли за рулём сбившего его такси сидел то-то из людей Семичастного. Скорее всего, это была несчастливая случайность, а ещё вернее – следствие дикого напряжения последних нескольких суток, из-за которого он передвигался, словно в тумане и сам шагнул с тротуара под колёса несущейся «Волги». Удар был страшен – декоративный олень на капоте распорол бок, колесо проехало по левой ноге, превращая колено в кровавую кашу из костей, хрящей и мышц. Но сознания он не потерял – терпел, стиснув зубы, нечеловеческую боль, и даже успел уговорить обихаживавшую его медсестру припрятать вещи, чтобы не случилось с ними что-нибудь в общей больничной кладовке.

Новая знакомая не обманула. Она даже не заглянула в пухлый портфель – впрочем, это не так-то легко было сделать, замочек имел парочку секретов, не способных, конечно, удержать профессионала, но труднопреодолимых для обычного человека. Оперировали его трижды, а после, в палате, после того, как лечащий врач заявил, что выздоровление затянется минимум, на месяц, он дождался, когда появится та самая сговорчивая сестричка, и ошаршил её предложением.

И снова ему повезло – сказочно, невероятно. То ли девчонка в свои двадцать лет ещё верила в истории о Золушке и прекрасном принце, то ли он чем-то ей приглянулся. А вернее всего, жизнь в столице, куда она приехала поступать в медицинский ВУЗ, но потерпела неудачу, её разочаровала – а только она согласилась ему помочь. И не просто помочь – связать свою жизнь с искалеченным, но не сломленным жизнью человеком, который прямо предложил: «выходи за меня замуж и помоги бежать отсюда, подальше. Деньги есть, много – выучишься на врача, только не в Москве. Скажем, в Вологде, чем плохо?..»

Они уехали – как в воду канули. Будущая супруга ухитрилась выкрасть документы, договорилась, пустив в ход несколько крупных купюр, с водителем мебельного фургона, который спустя три дня и увёз их из Москвы. Искать их никто не стал – зачем? До Вологды добирались на перекладных – чего это стоило его только начавшему приходить в себя организму... Наверное, поспешное бегство и необходимость прятаться, избегать не то, что врачебных осмотров, но и любых контактов, и привела к тому, что от до конца жизни будет прикован к инвалидному креслу. Если, конечно не случится то, чего он больше всего опасается.

³ (советск. сленг) – младший научный сотрудник

Потому что Десантники – и это он знал совершенно точно – действительно способны лечить захваченные их «Мыслящими» тела. Конечно, поднять мертвеца, получившего пулю в сердце – это из разряда ненаучной фантастики, как и байки о потерянных и заново выращенных конечностях. А вот отладить обмен веществ, ускорить регенерацию тканей, в том числе и внутренних, заменить костную ткань в неправильно сросшихся конечностях и позвоночнике – на это они способны. Только цена в виде потери своего «Я» может оказаться чересчур высокой. Тогда, в четырнадцать лет, он без труда «втягивал» в себя личности Пришельцев, овладевал их памятью – и выплёвывал, как косточки от вишни. Но пройдёт ли этот фокус спустя столько лет? Что, если загадочная граница, отделяющая взрослых, беззащитных перед пришельцами, от подростков, лежит как раз в этих годах?

Медсестричка не подвела – всё сделала, как надо, и осталась с ним, выйдя за него замуж. Деньги, и правда, имелись – кроме пачки, выданной в день бегства, у него был ещё доступ к кое-каким негласным фондам, созданным как раз на такой случай. Квартирой обзавелись без особых сложностей; супруга окончила местный мединститут, стала врачом-стоматологом, они даже подумывали о ребёнке – но планы разбились вдребезги за какие-то полгода. Меланобластома. С раком и сейчас, в семьдесят девятом, толком не научились бороться, а уж тогда...

Как ни странно, он воспринял её смерть с облегчением. Не осталось никого, кто знал бы о его прошлой жизни и мог бы навести на него охотников, которые – никаких сомнений! – ещё ищут, вынюхивают, ждут. Кто они – бывшие коллеги или Десантники – это не так уж и важно. Главное: пощады не будет, а потому, надо успеть перенести на бумагу, зафиксировать, надёжно укрыть всё, что успел наработать и «спецотдел», и он сам, за годы добровольного изгнания. Когда-нибудь люди прочтут это – и ужаснутся.

Он поворочался в каталке – в бок впился твёрдый предмет. Он пошарил в кармане и извлёк зелёное рубчатое яйцо. Может, сознание Пришельцев и в самом деле способно справиться с его болячками, но он не намерен это проверять. Когда придёт время, он просто выдернет кольцо. Второго шанса Десантники не получают. Во всяком случае – не от него.

– Дядь Витя, вам хлеб нужен? Мама попросила сбегать в булочную, могу и для вас взять!

Это Томка, соседская девчонка. Томке двенадцать лет, и её интересы совсем не похожи на интересы ровесниц – читает фантастику, собирает книжки о космосе и всё время сетует, что в Вологде нет большого, современного Дворца Пионеров, как в Москве или Калуге – как тот, что показывали в кино «Москва-Кассиопея», с кружками юных космонавтов и астрономов. На этой теме они и сблизились – изыскивая средства борьбы с тоской, порой совершенно невыносимой в четырёх стенах, он купил по объявлению в городской газете самодельный любительский телескоп-рефлектор, и с тех пор часто проводил ночи возле этого агрегата, смешно растопырившего тонкие деревянные ножки на балконе. Там-то его заметила Томка, и с тех пор стала в доме частым гостем. Родители, тихие, добрые люди, работавшие на местном молокозаводе, знакомству дочери не препятствовали. Наоборот, мать поощряла Томку взять шефство над соседом-инвалидом – «правильно дочка, ты же у меня пионерка? Мы после войны тоже соседям помогали, которые увечные да одинокие...»

И Томка старалась, как могла – бегала в магазин, убиралась в квартире и очень обиделась, когда узнала, что он предложил её матери деньги за труды дочери. Вместо этого девочка слушала его рассказы о звёздах и взапой глотала книги, которые он советовал отыскать в местной библиотеке, а потом подолгу обсуждала прочитанное, устроившись на балконе, возле голенастого телескопа.

Она и стала единственным человеком, которому он открыл свою тайну. Сначала подsunул ту самую книжку (о ней он узнал из каталога московской книжной выставки, случайно попавшей к нему в руки), а потом, слово за слово – и рассказал всё. Ну, почти всё. Страшная судьба коллег, как и интриги, погубившие «спецотдел» – это всё же не тема для двенадцатилетних.

Удивительно, но Томка поверила ему сразу – поверила, и согласилась взять на хранение один экземпляр его «научных материалов». Второй хранился в фибровом чемоданчике, а третий он отсылал в далёкий Волгоград, тётке покойной жены, с просьбой хранить, пока не понадобится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.